РУССКІЕ САМОУЧКИ и САМОРОДКИ

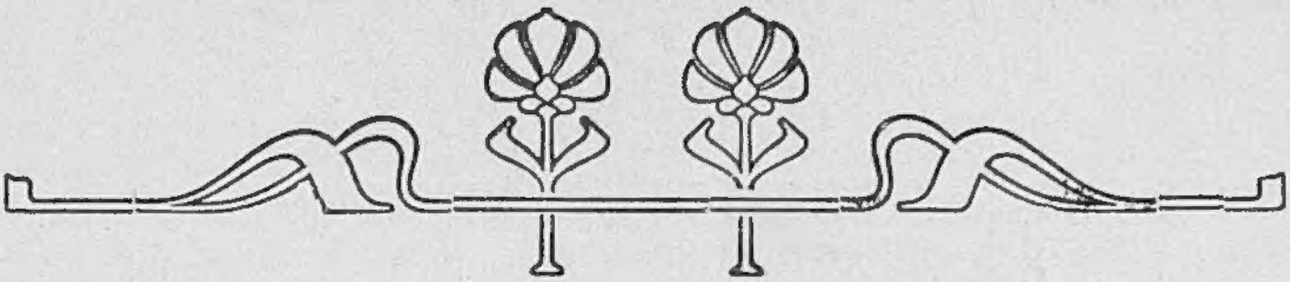
БІОГРАФИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ И РАЗСКАЗЫ

ВИКТОРА РУСАКОВА

Съ портретами и иллюстраціями

ИЗДАНІЕ
Т-ВА М. О. ВОЛЬФЪ
С.-Петербургъ | Москва
Гостин. Дв., 18 и Невскій, 13 | Кузн. Мостъ, 12 и Моховая, 22.
1911

Печать типографіи
Т-ва М. О. Вольфъ
С-Петербургъ · Вас. остр. 16 линія соб. домъ
1911



ПРЕДИСЛОВІЕ.

СРЕДИ знаменитыхъ русскихъ людей, прославившихся на поприщѣ науки, литературы, искусства и общественной дѣятельности, очень много такихъ, которые не получили никакого образованія или получили только первоначальное, но благодаря природному дарованію, выдержкѣ, терпѣнію, настойчивости и трудолюбію, выдвинулись, сумѣли принести пользу родинѣ, иногда и всему человѣчеству. Нѣкоторыми изъ нихъ слава достигалась сравнительно легко, въ чемъ имъ помогали исключительный талантъ, или благопріятно сложившіяся обстоятельства. Но большинству приходилось вести упорную борьбу, побѣждать съ неимовѣрнымъ трудомъ встрѣчавшіяся на пути преграды, испытывать лишенія, преодолѣвать нужду, а иногда даже подвергаться насмѣшкамъ и преслѣдованіямъ. И не всѣмъ, несмотря на ихъ старанія, удавалось достигнуть намѣченной цѣли: недостатокъ необходимыхъ познаній, а иногда и другія причины мѣшали имъ въ этомъ. Но и ихъ труды, какъ труды другихъ, болѣе счастливыхъ, заслужили вниманія.

Число видныхъ русскихъ дѣятелей, выбившихся собственными усиліями изъ ряда обыкновенныхъ людей,— или, какъ ихъ принято называть, самоучекъ и самородковъ—очень велико. Изъ среды русскихъ самоучекъ и самородковъ вышли многіе ученые, государственные и общественные дѣятели, писатели, инженеры, техники, изобрѣтатели, художники, музыканты-композиторы, виртуозы, фабриканты, крупные купцы и пр. и пр. Нѣтъ, можно сказать, въ русской культурной жизни почти ни одной отрасли, гдѣ нельзя было бы назвать десятка самоучекъ и самородковъ разнаго типа.

Жизнь всѣхъ ихъ представляетъ много интереснаго и поучительнаго.

Въ предлагаемыхъ очеркахъ мы старались въ общихъ чертахъ разсказать про цѣлый рядъ подобныхъ героевъ труда и таланта. Конечно, о каждомъ изъ нихъ въ отдѣльности можно бы написать особую книгу — настолько богата событіями ихъ жизнь, настолько важны роль и значеніе многихъ изъ нихъ.

Нашей цѣлью было дать краткіе, сжатые очерки, заключающіе въ себѣ только самое важное, самое существенное о жизненной карьерѣ главнѣйшихъ и типичнѣйшихъ русскихъ самоучекъ и самородковъ.

Если юный читатель, заинтересовавшись тѣмъ или другимъ изъ нихъ, пожелаетъ болѣе подробно познакомиться съ его исторіею, то задача, поставленная себѣ нами, будетъ достигнута.

ЛОМОНОСОВЪ.

Въ морозный декабрьскій день 1727 года, въ сильную стужу, въ селѣ Денисовкѣ, недалеко отъ Холмогоръ, уѣзднаго города Архангельской губ., собирался обозъ съ рыбою, которую везли для продажи въ Москву.

За сборами и отправленіемъ обоза съ любопытствомъ и безпокойствомъ слѣдилъ юноша лѣтъ 16-ти. Выждавъ наступленіе сумерекъ, юноша, надѣвъ двѣ рубахи, нагольный тулупъ и захвативъ нѣсколько книгъ, отправился догонять обозъ. Иззябшій, голодный, напрягая всѣ силы, направился онъ быстрымъ шагомъ по покрытой снѣгомъ дорогѣ. Но обозъ успѣлъ уже отъѣхать далеко и нагнать его удалось только на третій день, на семнадцатой верстѣ.

Поровнявшись съ извозчиками, юноша обратился къ нимъ съ просьбою взять его въ Москву и тутъ же разсказалъ, что стремится въ столицу „учиться“, такъ какъ слыхалъ, что въ Москвѣ имѣются такія школы, гдѣ всему можно обучаться. И тутъ же прибавилъ, что грамотѣ научился онъ въ

родной деревнѣ, но что для него этого мало: хотѣлось бы другой, настоящей науки.

Удивились извозчики, однако согласились взять юношу съ собою, предупредивъ его, что путь въ Москву далекъ, что придется нѣсколько недѣль идти съ обозомъ.

Этотъ юноша былъ Михаилъ Ломоносовъ, впослѣдствіи знаменитый русскій писатель и ученый, оказавшій великія заслуги русской литературѣ и русской наукѣ и давшій начало русскому литературному языку, поэтъ, ораторъ и ученый, физикъ, химикъ, минералогъ, геологъ, астрономъ, географъ, историкъ.

Въ дѣтствѣ онъ помогалъ отцу-рыбаку въ родномъ селѣ Денисовкѣ; зимой возилъ разные припасы изъ Архангельска въ Пустоозерскъ и въ Соловецкій монастырь; лѣтомъ и осенью ѣзжалъ съ отцомъ на рыбную ловлю въ Бѣлое и Сѣверное моря. Когда мальчику минуло 14 лѣтъ, крестьянинъ Иванъ Шубный научилъ Михаила читать и писать. Постигнувъ тайны грамоты, юный рыбакъ съ жадностью сталъ читать попадавшіяся ему въ руки книги, которыя впослѣдствіи въ шутку называлъ „вратами своей учености“. И вотъ, жажда знанія, которая не могла быть удовлетворена дома, заставила его уйти съ родины въ далекую Москву, гдѣ онъ надѣялся найти во что бы то ни стало способы и средства къ ученію.

Три недѣли шелъ юный Ломоносовъ съ обозомъ и только на четвертой добрался до Москвы. Тамъ, при содѣйствіи одного земляка, служившаго

дворецкимъ въ богатомъ домѣ и явившагося закупить рыбу, Ломоносову удалось поступить въ

Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ.
(Съ гравюры Шрейера).

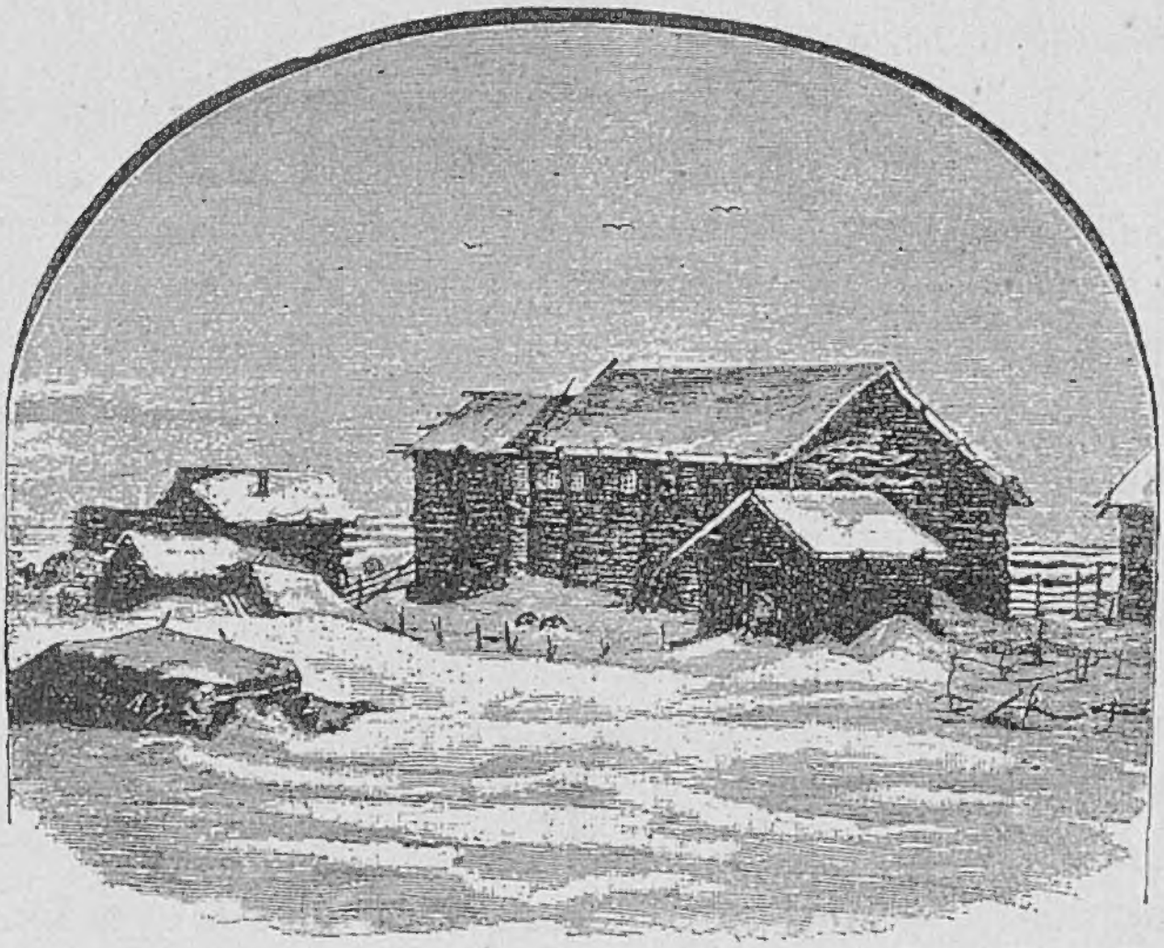
Заиконоспасскую школу. Шестнадцатилѣтнему въ то время юношѣ пришлось учиться въ этой школѣ

съ малыми дѣтьми, терпѣть крайнюю нужду, питаться хлѣбомъ и квасомъ на „двѣ денежки“ въ день. Но бѣдность и лишенія не охладили въ Ломоносовѣ страсти къ ученію. Учился онъ необычайно прилежно, проявляя огромные успѣхи, и, какъ выдающійся ученикъ, попалъ, послѣ шести лѣтъ ученія, въ гимназію при петербургской академіи наукъ, а оттуда былъ командированъ за границу, въ Марбургъ, гдѣ въ университетѣ прослушалъ курсъ естественныхъ наукъ, и затѣмъ во Фрейбергъ, гдѣ ему предстояло изучать горное дѣло. Жизнь за границею была для Ломоносова полна тяжелаго труда, долгихъ занятій, многихъ приключеній и неожиданностей, доходившихъ до того, что въ Пруссіи онъ чуть не попалъ въ солдаты.

Еще во время пребыванія въ Марбургѣ, когда до Ломоносова дошла вѣсть о взятіи русскими войсками Хотина, онъ написалъ „Похвальную оду“. Современники Ломоносова были удивлены и поражены. Повсюду расточались похвалы новымъ стихамъ; сама императрица раздавала экземпляры оды своимъ придворнымъ, благосклонно отзываясь о способностяхъ „сочинителя изъ архангельскихъ рыбаковъ“. Но это не измѣнило къ лучшему положенія самого Ломоносова, попавшаго въ нужду и долги.

По возвращеніи въ Петербургъ, Ломоносовъ, послѣ цѣлаго ряда препятствій, былъ назначенъ профессоромъ физики и химіи въ академію. Усердно занимаясь этими науками, онъ въ то же время

успѣлъ обратить на себя вниманіе своими одами и стихотвореніями. Но поэзіею Ломоносовъ занимался только въ часы, свободные отъ трудовъ на-



Денисовка, родина Ломоносова.

учныхъ. „Стихотворство—моя утѣха, физика—мои упражненія“,—писалъ онъ.

Кромѣ того онъ усердно занялся изученіемъ родного языка и составилъ грамматику, которая, несмотря на многіе недостатки, служила образцомъ для позднѣйшихъ русскихъ грамматикъ.

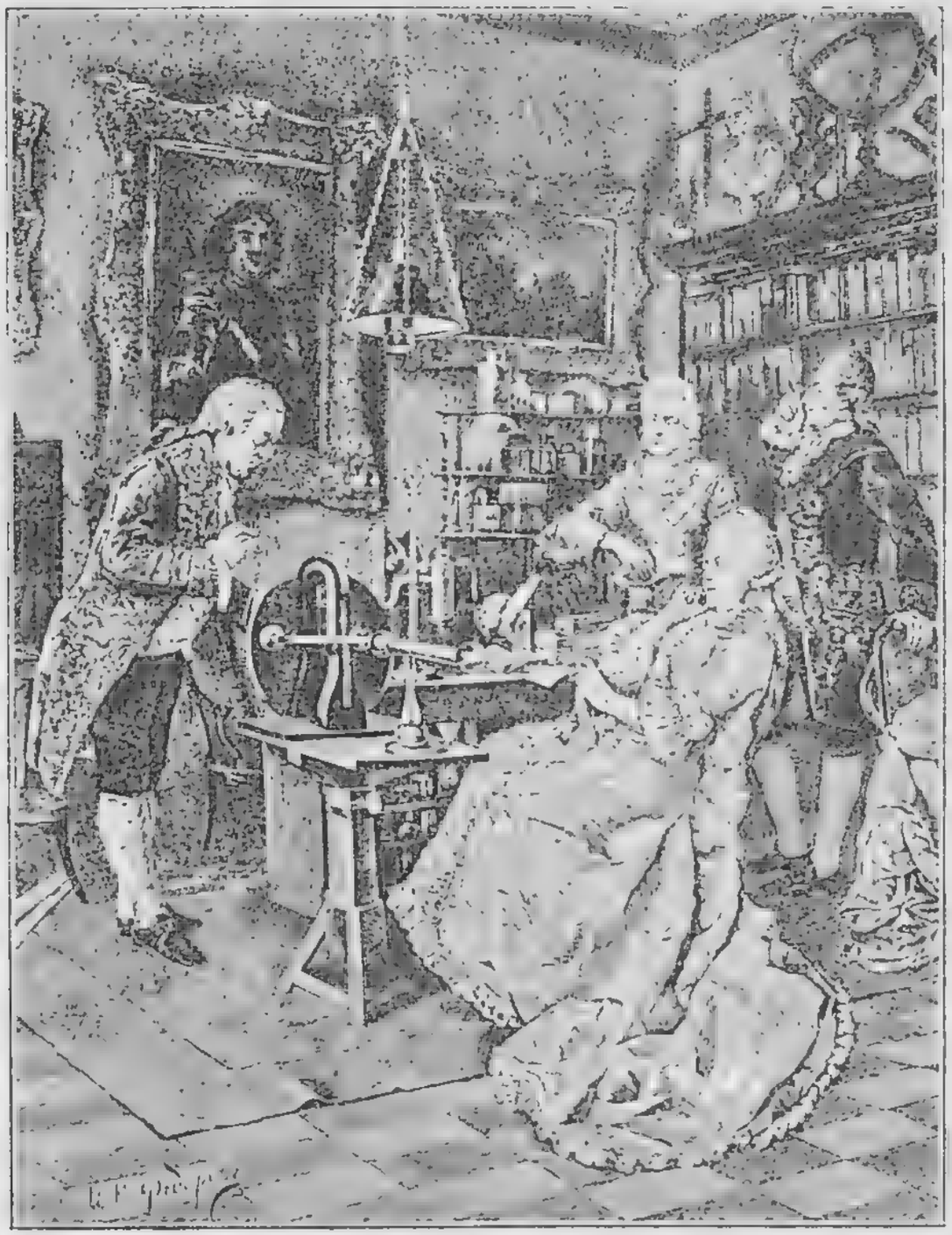
Въ академіи Ломоносову пришлось выдержать упорную, ожесточенную борьбу съ нѣмецкими профессорами, которыхъ онъ назвалъ „непріятелями

наукъ россійскихъ"; онъ просидѣлъ даже изъ-за этой борьбы около года „подъ карауломъ", былъ наказанъ уменьшеніемъ жалованья наполовину, страшно нуждался и бѣдствовалъ, но остался непреклоненъ въ борьбѣ.

Сидя подъ арестомъ, Ломоносовъ не прерываетъ своихъ научныхъ занятій, производитъ разные физическіе и химическіе опыты и хлопочетъ объ учрежденіи при академіи химической лабораторіи. Освобожденный по указу Сената, Ломоносовъ съ неудержимымъ рвеніемъ продолжаетъ свои научныя наблюденія и опыты, принимается за переводъ сочиненій иноземныхъ ученыхъ и производитъ собственныя изслѣдованія. При этомъ въ его занятіяхъ удивительно пестрой чередой смѣняются ученыя изслѣдованія свойствъ воздуха, трактаты о теплотѣ и стужѣ и очень трудный переводъ физики. Въ предисловіи къ этому труду Ломоносовъ пишетъ: „Принужденъ я былъ искать слова для наименованія нѣкоторыхъ физическихъ инструментовъ, дѣйствій и натуральныхъ вещей, которыя хотя сперва покажутся нѣсколько странны, однако надѣюсь, что они современемъ, черезъ употребленіе, знакомѣе будутъ".

Кипучая, разнообразная дѣятельность Ломоносова встрѣтила поддержку со стороны императрицы Екатерины Алексѣевны. Однажды—это было въ 1764 году—императрица въ сопровожденіи княгини Дашковой и одного камергера посѣтила Ломоносова въ его домѣ (находившемся по Большой Морской улицѣ, почти противъ пѣшеходнаго мо-

стика чрезъ Мойку), смотрѣла устроенную Ломоносовымъ, по его плану, химическую лабораторію



Императрица Екатерина II въ физическомъ кабинетѣ Ломоносова.

(Съ картины И. Ѳедорова.)

(первую, по времени, въ Россіи), присутствовала при производившихся тамъ Ломоносовымъ рабо-

тахъ, а также, какъ сказано въ оффиціальномъ описаніи этого посѣщенія, „смотрѣла новоизобрѣтенные имъ физическіе инструменты“.

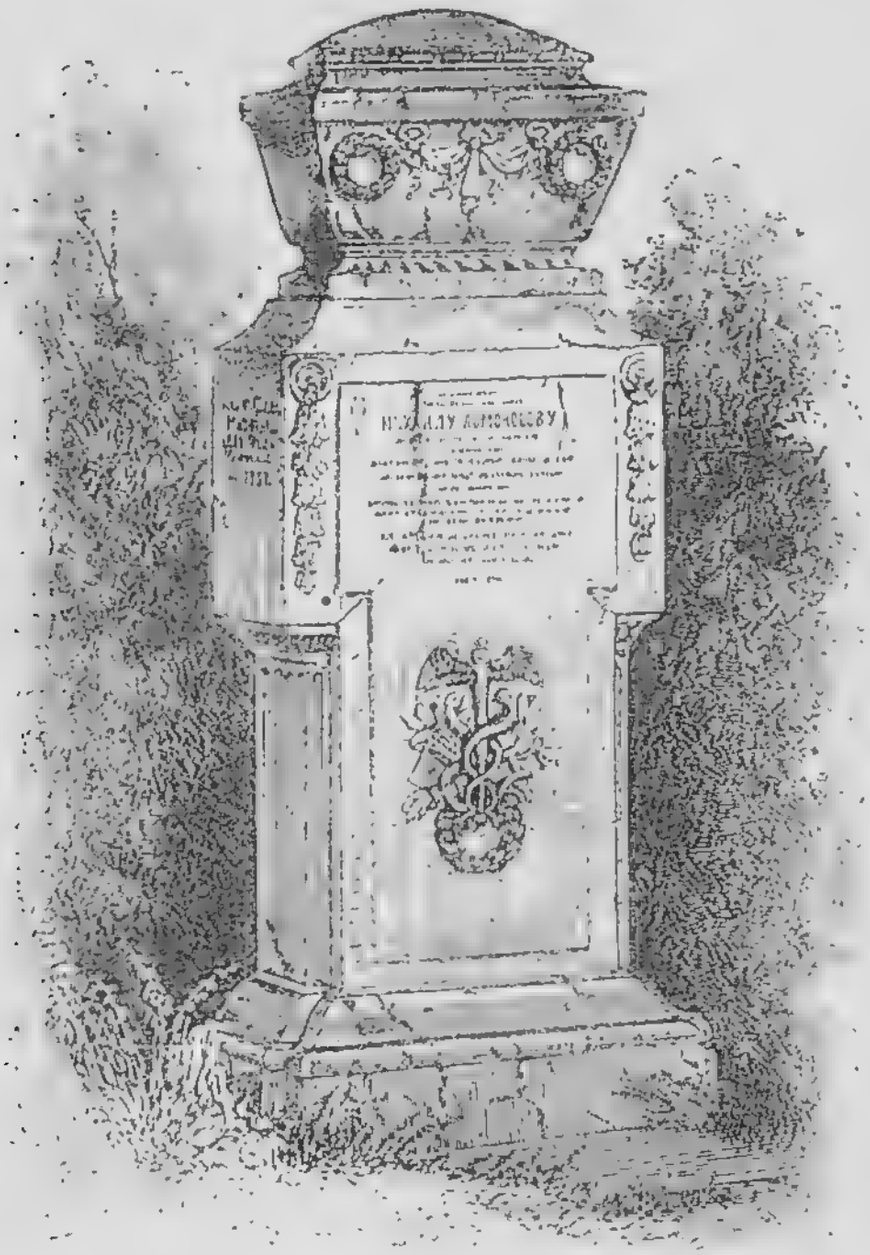
Восхищенный неожиданнымъ посѣщеніемъ высокой гостьи, Ломоносовъ тутъ же сочинилъ слѣдующіе стихи:

Геройство съ кротостью, съ премудростью щедроты,
Соединенныя монаршески доброты,
Въ благоговѣніи, въ восторгѣ зритъ сей домъ,
Рожденнымъ отъ наукъ усердствуя плодомъ.
Блаженства новаго и дней златыхъ причина,
Великому Петру во слѣдъ Екатерина
Величествомъ своимъ снисходитъ до наукъ
И славы праведной усугубляетъ звукъ.
Коль счастливъ, что могу быть въ вѣчности свидѣтель,
Богиня, коль твоя велика добродѣтель!

При жизни у Ломоносова было немного друзей. Многіе современники относились къ Ломоносову съ завистью. Другіе же не могли примириться съ его рѣзкими, прямыми сужденіями. Но въ концѣ концовъ всѣ, еще при жизни Ломоносова, признали въ немъ великаго человѣка, а когда закончилась многотрудная, блистательная жизнь поэта и ученаго, слава Ломоносова, какъ одного изъ величайшихъ умовъ Россіи, упрочилась навсегда.

Въ своихъ многочисленныхъ стихотвореніяхъ Ломоносовъ особенно любилъ воспѣвать природу и ея Творца, перелагая въ стихи псалмы и другія мѣста изъ Священнаго Писанія. Въ другихъ—воспѣваетъ подвиги и дѣянія Петра Великаго, Елизаветы Петровны и Екатерины II. Но главная заслуга его, какъ писателя, въ томъ, что онъ пер-

алъ писать на русскомъ разговорномъ языкѣ, былъ понятенъ для всѣхъ, между тѣмъ



Памятникъ на могилѣ Ломоносова на кладбищѣ Александро-Невской лавры.

какъ до него писали на церковно-славянскомъ языкѣ, и притомъ испорченномъ. Кромѣ того, Ломоносовъ въ особомъ сочиненіи „Риторика“ далъ правила, которыя необходимо знать тому, кто хочетъ правильно писать стихотворенія.

Какъ ученый и изобрѣтатель, Ломоносовъ придумалъ новый способъ, какъ ослаблять громовую силу въ тучахъ, опубликовалъ новую теорію электричества, предложилъ новую теорію о цвѣтахъ, указалъ способъ, какъ вѣрнѣе опредѣлить корабельный путь, доказалъ растительное происхожденіе янтаря и образованіе каменнаго угля изъ торфяниковъ, открылъ существованіе атмосферы вокругъ Венеры и т. п. Какъ химикъ, несмотря на распространенныя въ тѣ времена невѣрныя понятія о многихъ явленіяхъ природы, свѣтлый умъ Ломоносова вѣрно оцѣнивалъ тѣ химическіе факты, которые противорѣчили этимъ понятіямъ. Какъ физикъ—усердно занимался электричествомъ, написалъ „Слово о явленіяхъ воздушныхъ, отъ электрической силы происходящихъ“. Какъ минералогъ—выпустилъ изслѣдованіе „О рожденіи металловъ отъ трясенія земли“. Какъ метеорологъ—устроилъ самопишущую метеорологическую станцію и т. д., и т. д.

Занявшись теоріей свѣта и различныхъ его цвѣтовъ и оттѣнковъ и опытами надъ красками и окраскою цвѣтовъ, Ломоносовъ изобрѣлъ новый способъ окраски стеколъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, увлекся мозаикою, т.-е. составленіемъ картинъ изъ мелкихъ, искусно подобранныхъ кусковъ цвѣтныхъ стеколъ.

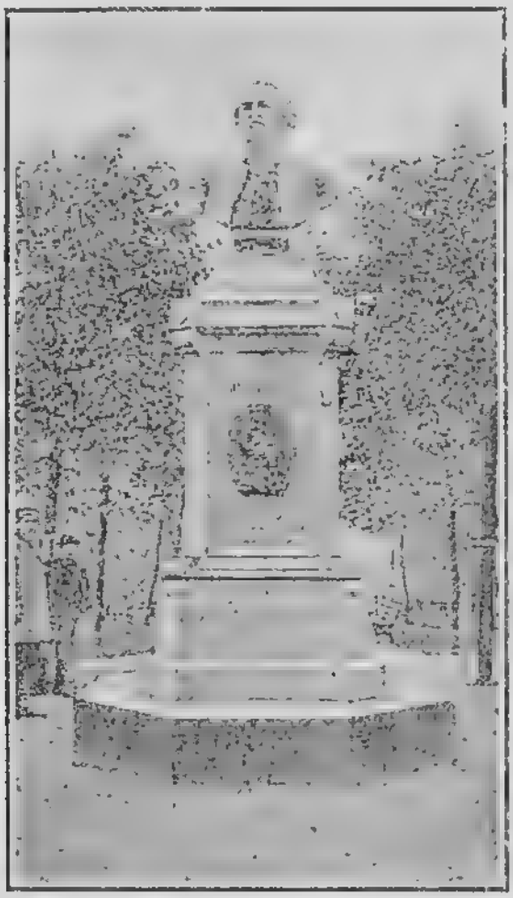
Всѣ эти работы доставили Ломоносову огромную славу. И не въ одной Россіи признавали Ломоносова. Объ его научныхъ, какъ натуралиста, работахъ, въ самыхъ восторженныхъ выраженіяхъ отзывались знаменитые иностранные ученые.

Но и этимъ не ограничились еще заслуги Ломоносова: онъ много содѣйствовалъ распространенію образованности въ Россіи, способствовалъ учрежденію московскаго университета, сочинилъ проектъ объ открытіи петербургскаго университета, хлопоталъ объ отсылкѣ русскихъ молодыхъ людей за границу для усовершенствованія въ наукахъ, составилъ рядъ проектовъ, касавшихся промышленности, морского дѣла, положенія разныхъ сословій и пр. Вообще не было той отрасли знанія и общественной жизни, куда бы не проникалъ его мощный умъ и гдѣ онъ не оставилъ бы слѣдовъ своей дѣятельности.

Группа на памятникѣ Ломоносову на площади г. Архангельска.

Ломоносовъ скончался 4-го апрѣля 1765 года. Смертные останки его съ боль-

шимъ торжествомъ были преданы землѣ на кладбищѣ Александро-Невской лавры, гдѣ надъ могилою великаго писателя и ученаго возвышается изящный памятникъ изъ каррарскаго мрамора. Другой памятникъ воздвигнутъ Ломоносову въ Архангельскѣ. Кромѣ того бюстъ Ломоносова украшаетъ небольшой скверъ у Чернышева моста въ Петербургѣ.



Памятникъ М. В. Ломоносову въ скверѣ у Чернышева моста въ Спб.

ЛАРИНЪ.

ВЪ одной изъ громадныхъ залъ Императорской публичной библіотеки въ С.-Петербургѣ, наполненныхъ снизу до верху книгами, картами и рисунками, виситъ большой портретъ, масляными красками, изображающій представительнаго барина, въ костюмѣ XVIII вѣка, въ напудренномъ парикѣ, малиновомъ бархатномъ кафтанѣ и шелковыхъ чулкахъ; въ рукахъ у него бумага съ печатью — вѣроятно, царская грамота.

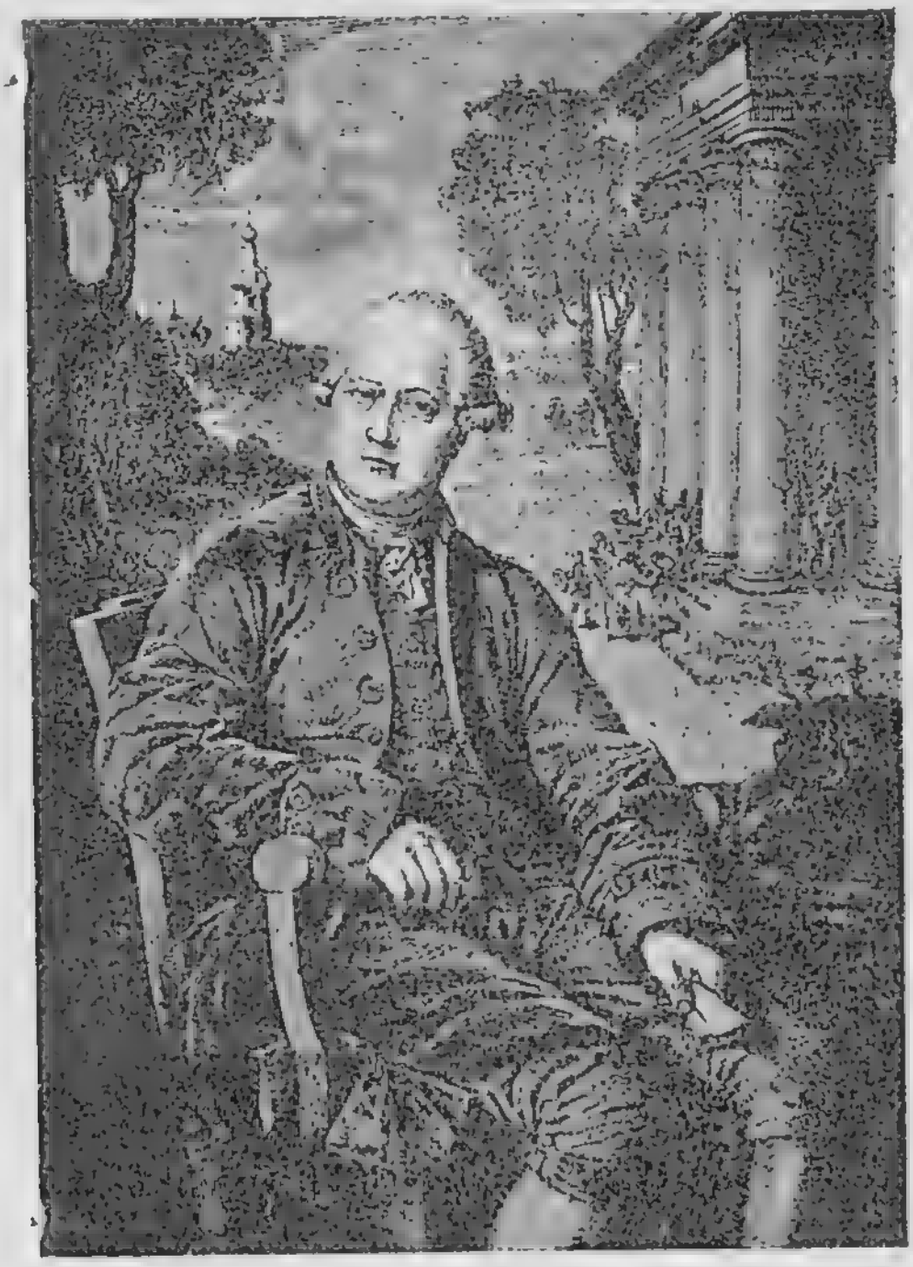
Портретъ этотъ попалъ въ библіотеку совершенно случайно и вотъ при какихъ обстоятельствахъ.

Однажды, въ декабрѣ 1859-го года, одинъ изъ библіотекарей сопровождалъ, по обыкновенію, толпу посѣтителей, осматривавшихъ достопримѣчательности знаменитаго петербургскаго книгохранилища. Дойдя до одной изъ залъ, выходящихъ на площадь, гдѣ стоитъ памятникъ императрицы Екатерины II, библіотекарь остановился и сказалъ:

— Эта зала называется „Ларинскою“. Названа она такъ въ честь Петра Даниловича Ла-

рина, великодушнаго и образованнаго русскаго купца времень царствованія императрицы Екатерины II. Родившись въ простой крестьянской семьѣ, онъ личнымъ трудомъ сумѣлъ нажить громадное состояніе и сдѣлался богатымъ купцомъ. Но не въ томъ его заслуга, что онъ нажилъ состояніе, а въ томъ, что, достигнувъ богатства, онъ не забылъ о той средѣ, изъ которой вышелъ, и значительную часть своихъ богатствъ рѣшилъ пожертвовать на устройство народной школы въ томъ мѣстѣ, „гдѣ судьба опредѣлила ему родиться“, а именно, въ селѣ Любучахъ (Рязанской губ.), на призрѣніе бѣднаго юношества, не имѣющаго родни или помощи отъ родни, и на устройство банка, который долженъ былъ „чинить помощь ссудою“ бѣднымъ крестьянамъ. При этомъ Ларинъ самъ подробно выработалъ проектъ и училища, и банка, указалъ, какъ, по его мнѣнію, слѣдуетъ преподавать въ училищѣ, которому онъ придавалъ особенное значеніе. Сумма, пожертвованная Ларинымъ, современемъ, вслѣдствіе нароспихъ на нее процентовъ, достигла такихъ размѣровъ, что ея не только хватило на устройство школы и банка въ Любучахъ, но часть ея, сверхъ того, могла быть еще употреблена на другія полезныя цѣли. Такъ, на ларинскія деньги построены залы Императорской публичной библіотеки, идущія отъ угла Невскаго проспекта по площади монумента императрицы Екатерины II, затѣмъ на ларинскіе же капиталы основана и содержится въ Петербургѣ, на Васильевскомъ Островѣ по

6-й линіи, гимназія, которая, съ разрѣшенія императора Николая I, носитъ названіе „Ларинской“, такъ же какъ и настоящая зала нашей библіотеки.



Петръ Даниловичъ Ларинъ.
Съ портрета кисти Волкова.

Оканчивая свой разсказъ, библіотекарь прибавилъ, что, къ сожалѣнію, нигдѣ не удалось найти портрета Ларина и что, поэтому, неизвѣстны черты лица этого великодушнаго и образованнаго купца.

Тутъ изъ толпы посѣтителей выдѣлилась маленькая старушка, внимательно слушавшая весь разсказъ, и подошла къ библіотекарю.

— Что вы изволили сейчасъ сказать, батюшка? Я немножко глуха и послѣднихъ словъ не разслышала,—сказала она.

Библіотекарь повторилъ свои слова объ отсутствіи портрета.

— Э, батюшка, что же я прежде этого не знала. Никто не сказалъ мнѣ, что нуженъ портретъ Ларина. Я его внучка, у меня есть портретъ. Пріѣзжайте ко мнѣ, я съ удовольствіемъ отдамъ его библіотекѣ.

И въ этотъ же день въ Императорскую публичную библіотеку переселился великолѣпный портретъ Ларина, написанный знаменитымъ въ свое время живописцемъ, профессоромъ Алексѣемъ Волковымъ. На портретѣ этомъ Ларинъ представленъ сидящимъ въ креслѣ, на балконѣ; на заднемъ фонѣ видна церковь, построенная Ларинымъ въ Любучахъ, и школа, куда идутъ крестьянскіе любучскіе мальчики.

Библіотекарь, называя Ларина великодушнымъ и образованнымъ купцомъ временъ царствованія императрицы Екатерины II, былъ совершенно правъ. Это, дѣйствительно, была замѣчательная, исключительная личность. Исторія жизни его доказываетъ, какъ простой, бѣдный крестьянскій мальчикъ трудомъ, прилежаніемъ и бережливостью можетъ достигнуть не только богатства, но значенія и славы.

Петръ Даниловичъ Ларинъ родился въ 1735 г. (по другимъ же извѣстіямъ въ 1736 г.), въ селѣ Любучахъ, Рязанской губерніи, нынѣшняго Зарайскаго уѣзда. Отецъ его былъ бѣдный крестьянинъ, по имени Даніла Ивановичъ. Какъ и другія крестьянскія дѣти, Петръ Ларинъ, будучи мальчикомъ лѣтъ 8-ми, лѣтомъ пасъ стадо, а зимою ходилъ учиться грамотѣ къ сельскому дьячку и помогалъ отцу въ домашнихъ работахъ. Учился онъ очень хорошо, отличался большими способностями, но отецъ, по бѣдности своей, не могъ дать ему другого учителя, кромѣ дьячка. Поэтому, когда сынъ сталъ подрастать, отецъ началъ подумывать о томъ, къ какой бы должности пристроить мальчика. У бѣднаго крестьянина не было средствъ держать сына на собственномъ попеченіи— и вотъ, 14-лѣтнимъ мальчикомъ, Петра Ларина отдали въ кабакъ, въ томъ же селѣ въ качествѣ слуги или подпосчика. Незавидная это была работа услуживать пьянствующимъ мужикамъ, приносить имъ чай, кипятокъ, закуску и водку, преимущественно же водку, и выслушивать ихъ обычныя ссоры и ругательства... Къ счастью, Ларину не долго привелось остаться на этомъ мѣстѣ. Заѣзжавшій отъ времени до времени въ Любучи чиновникъ, собиравшій откупъ съ содержателей кабаковъ, замѣтилъ смышленаго и расторопнаго мальчика и взялъ его къ себѣ въ контору кассиромъ. Еще служа въ кабакѣ подносчикомъ, Ларинъ копилъ тѣ немногія копѣечки, которыя ему давали иногда „на чаекъ“. Впослѣдствіи онъ

продолжалъ беречь деньги. Прослуживъ нѣсколько лѣтъ въ конторѣ и скопивъ небольшую сумму, онъ началъ заниматься торговыми дѣлами: покупалъ и продавалъ пеньку, рыбу, хлѣбъ и другіе товары. Дѣла онъ велъ осмотрительно и осторожно, расширяя ихъ постепенно. Дошло до того, что Ларинъ сталъ даже отправлять собственные корабли, нагруженные хлѣбомъ, въ Англію. Вскорѣ онъ сдѣлался богатымъ купцомъ, и, благодаря своему состоянію, получилъ доступъ въ лучшее тогдашнее петербургское общество. Трудно было повѣрить, глядя на изящнаго, одѣтаго въ богатый французскій кафтанъ, чулки и башмаки молодого барина, что онъ вышелъ изъ простой крестьянской среды и что юность свою онъ провелъ на полѣ, среди стада, и въ кабакѣ, среди пьяныхъ мужиковъ.

Богатство и блестящее положеніе не испортили, однако, Ларина. Вращаясь среди лучшаго петербургскаго общества, онъ не забываетъ о родной сторонѣ и строитъ въ Любучахъ большую церковь съ тремя придѣлами и колокольней, жертвуя на украшеніе этой церкви крупную сумму. Вслѣдъ затѣмъ, заботясь о народномъ образованіи, въ 1778 году, онъ подаетъ императрицѣ Екатеринѣ II просьбу о разрѣшеніи открыть въ Любучахъ на свои средства школу, вноситъ съ этою цѣлью нужную сумму, 50.000 рублей, и принимаетъ на себя „главное смотрѣніе“ надъ созданнымъ имъ училищемъ. Императрица весьма благосклонно отнеслась къ „похвальному намѣренію“ Ларина — какъ сказано въ царскомъ указѣ отъ

12 марта 1778 года. Намѣреніе это—по словамъ указа—„являетъ въ Ларинѣ гражданина, о пользѣ общей усердно попечительнаго“. Но Ларину не суждено было увидать открытіе своего училища: онъ внезапно скончался въ Москвѣ, 22 августа 1778 года. Тѣло его было перевезено въ Любучи, гдѣ и похоронено въ построенной имъ церкви. На чугунномъ вызолоченномъ памятникѣ вылита слѣдующая надпись: „Здѣсь покоится прахъ Петра Даниловича Ларина, с.-петербургскаго 1-ой гильдіи купца, уроженца села Любучи. Создателю храма сего, основателю ларинскаго училища и банка, благотворителю сира и убога, другу человѣчества—воздвигается на память сіе усердными его почитателями. 1822 г., іюня 29 дня. Благій рабе и вѣрный, внеди въ радость Господа твоего“.

Учрежденіе задуманной Ларинымъ школы состоялось лишь спустя 40 лѣтъ послѣ его смерти. Главною причиною замедленія въ выполненіи воли Ларина было похищеніе кѣмъ то пожертвованныхъ имъ денегъ. Когда же, наконецъ, судомъ удалось разыскать виновниковъ похищенія и вернуть эти деньги, явились другія препятствія, мѣшавшія открытію училища. Препятствія были устранены только въ 1818 году; въ этомъ то году совершена закладка училищнаго дома въ Любучахъ. Спустя годъ, состоялось и открытіе училища, въ которомъ съ этихъ поръ и по настоящее время болѣе 1500 крестьянскихъ дѣтей получили первоначальное свое образованіе, а также учрежденъ и

банкъ, который выдаетъ вспомоществованіе любучскимъ нуждающимся крестьянамъ.

Какъ уже сказано выше, съ именемъ Ларина связано не одно только училище и банкъ въ Любучахъ. Разросшійся, въ теченіе многихъ лѣтъ, почти до милліона рублей, капиталъ Ларина служилъ впослѣдствіи на разныя цѣли народнаго образованія. Такъ изъ этого капитала отпущено 127.000 рублей на постройку части зданія Императорской публичной библіотеки, затѣмъ до 500.000 рублей употреблено на постройку и содержаніе Ларинской гимназіи въ Петербургѣ и, наконецъ, изъ того же капитала отпущена нужная сумма на постройку зданія для Ришельевскаго лицея съ гимназіею въ Одессѣ.

КУЛИБИНЪ.

Во второй половинѣ XVIII вѣка существовалъ въ Нижнемъ-Новгородѣ небольшой лабазъ купца Петра Кулибина. Торговалъ въ этомъ лабазѣ, за прилавкомъ, мальчикъ, сынъ владѣльца, Ваня Кулибинъ.

Но не лежало сердце мальчика къ торговлѣ: торговля совершенно не интересовала его, и онъ старался воспользоваться каждой удобной минутой, чтобы, спрятавшись гдѣ-нибудь за кулями, съ помощью обыкновеннаго ножа приняться мастерить флюгерокъ, модельку мельницы, толчеи или еще какого-нибудь другого простого механизма, видѣннаго имъ гдѣ-нибудь. Увлекшись работой, онъ забывалъ обо всемъ окружавшемъ его и не замѣчалъ времени; часы летѣли незамѣтно, пока грозный голосъ отца, разсерженнаго отсутствіемъ сына въ лавкѣ, не возвращалъ его къ печальной дѣйствительности. Въ порывѣ гнѣва отецъ бранилъ, даже билъ непокорнаго сына, ломалъ и бросалъ въ огонь его „игрушки“, но ничего не могло образумить Ивана.

Съ возрастомъ страсть „мастерить“ въ юномъ механикѣ не уменьшалась, а, напротивъ, даже увеличивалась. Отъ дѣтскихъ игрушекъ онъ перешелъ къ полезному: устроилъ плотину на ручьѣ и провелъ воду въ прудъ, а изъ пруда выпустилъ въ шлюзъ. Вода въ пруду стала проточная, и въ немъ стала водиться хорошая рыба. За эту выдумку даже отецъ похвалилъ мальчика.

Особенно интересовало Кулибина устройство часовъ и онъ посвятилъ не мало времени на то, чтобы изучить механизмъ часовъ. Разобравъ выпрошенные имъ у одного знакомаго стѣнные часы и собравъ ихъ снова, онъ принялся за изготовленіе такихъ же, только съ деревяннымъ механизмомъ, такъ какъ, кромѣ дерева и ножа, у него ничего другого не было въ распоряженіи. Но часы не пошли. Эта первая неудача только временно огорчила Кулибина. Вскорѣ счастливая случайность пришла къ нему на помощь: нижегородская ратуша отправила его, какъ самаго расторопнаго изъ немногихъ грамотныхъ въ то время въ Нижнемъ, по одному дѣлу въ Москву. Завидя тамъ первый попавшійся на глаза часовой магазинъ, онъ зашелъ въ него и, откровенно разсказавъ о себѣ, просилъ мастера объяснить ему устройство часовъ. Судьба натолкнула Ивана на добраго человѣка, который, замѣтивъ дѣйствительно необыкновенную понятливость Кулибина, не только научилъ его часовому мастерству, но даже подарилъ ему свои старые инструменты. По возвращеніи домой, Кулибинъ принялся сначала за починку

часовъ, а потомъ понемногу и за изготовленіе новыхъ, что дало ему возможность, спустя два-три года, бросить торговлю и открыть свой магазинъ часовъ.

Механикъ-самоучка И. П. Кулибинъ.
(Со старинной литографіи).

Но страсть къ механикѣ, къ изобрѣтенію чего-нибудь новаго, не давала ему покоя. Онъ задумалъ сдѣлать „часы необыкновеннаго устройства", которые хотѣлъ поднести Императрицѣ Екатеринѣ II, путешествовавшей въ то время по Волгѣ и дол-

жествовавшей заѣхать по пути въ Нижній-Новгородъ. Одинъ знакомый богатый купецъ, Костроминъ, принялъ на себя всѣ расходы по устройству задуманныхъ часовъ. Однако, часы не поспѣли къ пріѣзду государыни, такъ какъ Иванъ Петровичъ временно увлекся устройствомъ телескопа, микроскопа и электрической машины и успокоился только тогда, когда ему удалось самому устроить всѣ эти приборы. Особенно трудно было справиться Кулибину съ телескопомъ, въ которомъ металлическое зеркало было отлито изъ сплава, составлявшаго секретъ механика-англичанина и потому никому неизвѣстнаго. Долго бился Иванъ Петровичъ, но, въ концѣ концовъ, постигъ тайну сплава.

Во время пребыванія императрицы Екатерины II въ Нижнемъ-Новгородѣ ему удалось представиться ей. Государыня съ любопытствомъ осмотрѣла сдѣланные имъ телескопъ, микроскопъ и электрическую машину (это была первая электрическая машина, сдѣланная въ Россіи) и со вниманіемъ выслушала толковое объясненіе механизма не оконченныхъ часовъ, при чемъ приказала Кулибину самому привезти эти часы по окончаніи въ Петербургъ.

Тотъ же знакомый купецъ Костроминъ довезъ Ивана Петровича до Петербурга и выхлопоталъ представленіе ко двору. Часы были приняты государыней, а изобрѣтатель награжденъ деньгами и, кромѣ того, получилъ мѣсто механика и завѣдующаго мастерской при академіи наукъ, а Костромину, за его содѣйствіе своему собрату, была по-

жалована богатая серебряная кружка. Сверхъ того каждому изъ нихъ было выдано по 1.000 рублей. Часы же и инструменты работы механика-самоучки были поставлены на храненіе въ академическій музей—кунсткамеру.

Часы, изготовленные Кулибинымъ, имѣли видъ гусинаго яйца средней величины и представляли слѣдующее устройство: каждый часъ въ срединѣ

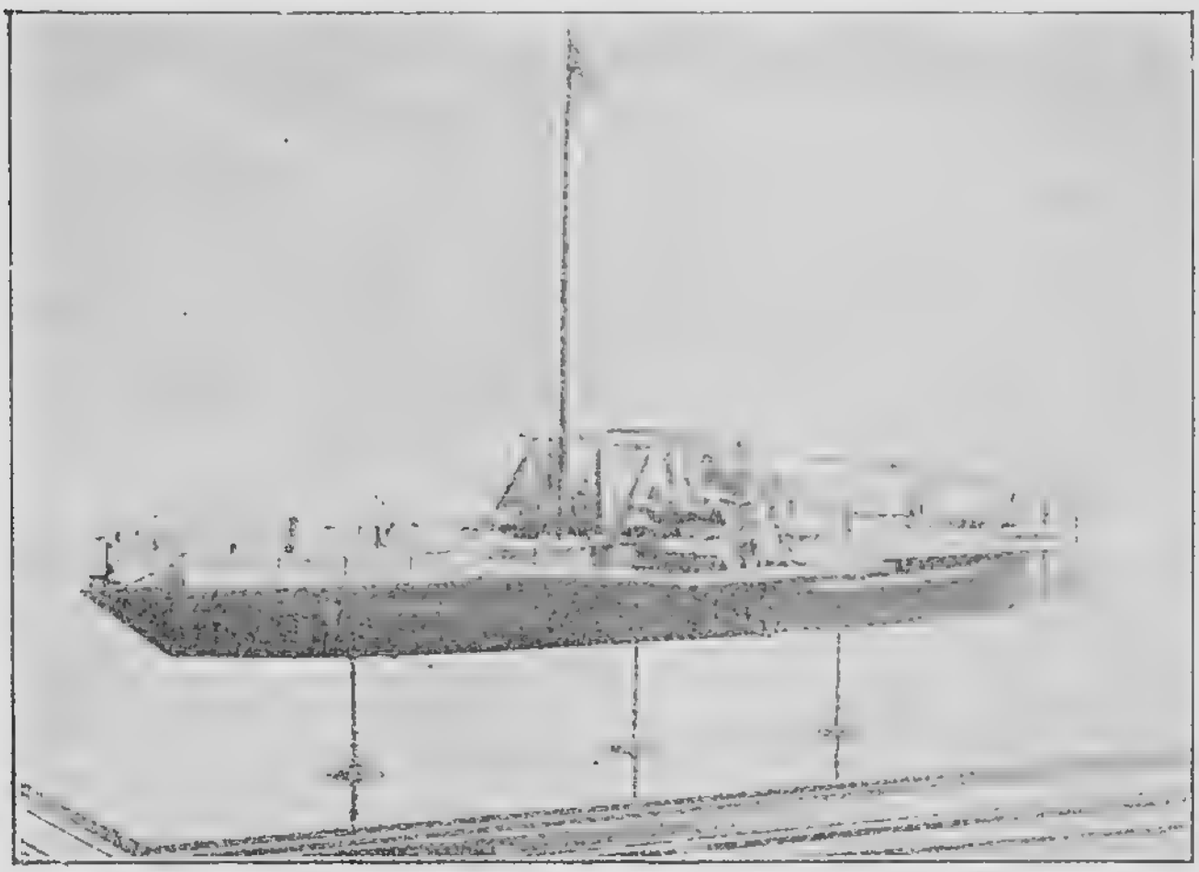
Проектъ деревяннаго моста черезъ р. Неву, составленный въ 1776 году Ив. Кулибинымъ.

ихъ отворялись двери, чрезъ которыя видѣлся великолѣпный храмъ съ гробомъ Господнимъ и двумя стражами; черезъ полминуты являлся въ храмѣ ангелъ, отъ гроба отваливался камень и къ ангелу приближались двѣ жены-мироносицы; а между тѣмъ часы играли „Христосъ воскресе“; по троекратномъ повтореніи этого стиха, двери затворялись; послѣ четырехъ часовъ пополудни, слышался гимнъ: „Воскресъ Іисусъ изъ гроба“, который игрался по одному разу предъ каждымъ часомъ; сверхъ того въ полдень часы играли му-

зыку, положенную Кулибинымъ на слова поднесенной имъ императрицѣ кантаты его же сочиненія, на прибытіе государыни въ Нижній-Новгородъ, 22 мая 1767 года; наконецъ били часы и четверти; всѣ движущіяся фигурки въ часахъ были отлиты самимъ Кулибинымъ изъ серебра и золота.

Очутившись въ благопріятной для себя обстановкѣ, Кулибинъ съ жаромъ принялся за выдѣлку разныхъ новыхъ приборовъ и машинъ. Въ это время англичане въ газетахъ объявили большую денежную премію за представленіе модели моста безъ свай. Петербургская академія наукъ пригласила русскихъ строителей принять участіе въ этомъ конкурсѣ. Въ числѣ другихъ Иванъ Петровичъ представилъ академіи наукъ свою модель, составлявшую десятую часть задуманнаго моста, могущаго соединить берега Невы, на которой тогда еще не было постояннаго моста. 27 декабря 1776 года изготовленная Кулибинымъ модель моста была подвергнута освидѣтельствованію и испытанію въ присутствіи ученыхъ и знатоковъ строительнаго дѣла. Многіе изъ этихъ знатоковъ сначала посмѣялись надъ страннымъ проэктомъ механика-самоучки и были твердо убѣждены, что его модель непремѣнно развалится, какъ только положатъ на нее тяжесть. Но на самомъ дѣлѣ мостъ или, вѣрнѣе, модель моста блестяще выдержала испытаніе, несмотря на огромный грузъ, положенный на нее. Цѣлыхъ три недѣли простояла модель съ грузомъ, пока наконецъ ученые испытатели рѣшились написать рапортъ императрицѣ о возможности

построить, по проекту Кулибина, постоянный чрезъ Неву мостъ. Екатерина II съ большимъ удовольствіемъ приняла донесеніе объ испытаніи модели русскаго механика-самоучки и приказала наградить его двумя тысячами рублей. Модель Кулибина сдѣлалась предметомъ удивленія для всего



Модель водоходной машины Кулибина, хранящаяся въ музеѣ вѣдомства Путей Сообщенія въ Спб.

Петербурга и ежедневно вокругъ нея собирались толпы любопытныхъ зрителей. Однако, по разнымъ соображеніямъ, постройка настоящаго моста по Кулибинской модели, несмотря на вопіющую необходимость постояннаго моста, была отложена, а самую модель перевозили съ мѣста на мѣсто до тѣхъ поръ, пока она куда-то не исчезла. Отно-

сительно полученія преміи отъ англичанъ Кулибинъ тоже не настаивалъ, и она попала въ другія руки.

Между тѣмъ Кулибинъ занялся другими изобрѣтеніями. Въ 1779 году онъ представилъ императрицѣ Екатеринѣ фонарь, снабженный особымъ зеркаломъ, которое усиливало свѣтъ единственной свѣчи настолько, что былъ виденъ на 30 верстъ. Чтобы убѣдить всѣхъ въ его дѣйствіи, изобрѣтатель отправился вмѣстѣ со своими знакомыми въ Красное Село, и въ условный часъ вечера они увидѣли надъ темнымъ горизонтомъ Петербурга внезапно загорѣвшуюся свѣтлую точку краснова-таго цвѣта, ярко блестѣвшую, несмотря на тридцативерстное разстояніе.

Вслѣдъ за фонаремъ, Кулибинъ сдѣлалъ цѣлый рядъ другихъ изобрѣтеній: самокатную двухмѣстную телѣжку, въ которой онъ разъѣзжалъ по улицамъ Петербурга; искусственную ногу, сгибавшуюся и разгибавшуюся настолько естественно, что ее трудно было отличить отъ настоящей; особенный механизмъ для водяныхъ мельницъ, которыя могли дѣйствовать безъ плотинъ на большихъ быстрыхъ рѣкахъ и пр. Впослѣдствіи онъ усовершенствовалъ этотъ послѣдній механизмъ такъ, что механизмъ могъ дѣйствовать одинаково хорошо и на водѣ, и подъ водой.

Но этимъ далеко не исчерпывается дѣятельность Кулибина, какъ изобрѣтателя. Такъ, онъ изобрѣлъ въ 1782 особое „машинное водоходное судно“, которое, какъ сказано въ современномъ

описаніи, „шло противъ воды, помощью той же воды, безъ всякой посторонней силы, безъ весель и парусовъ“. Затѣмъ онъ придумалъ устройство огромнаго зажигательнаго стекла, водяныя мельницы невиданной силы, составилъ проектъ укрѣпленія потолковъ и крышъ, безъ помощи столбовъ и пр. На устройство такихъ изобрѣтеній Кулибинъ расходовалъ все свое жалованіе и всѣ щедрыя награды, которыя получалъ сначала отъ императрицы Екатерины, а послѣ ея кончины отъ императора Павла I и, наконецъ, отъ императора Александра I.

Но судьба всѣхъ изобрѣтеній Кулибина была почти одинаково печальна. Члены Академіи наукъ, куда Кулибинъ представлялъ свои изобрѣтенія на испытаніе, считали изобрѣтенія Кулибина пустыми, не имѣющими практическаго значенія, затѣями. Частью происки академиковъ, а частью и собственная излишняя скромность Кулибина и непрактичность при въ высшей степени кроткомъ характерѣ, дѣлали то, что его изобрѣтенія или присваивались другими, или исчезали и предавались забвенію.

Подъ конецъ жизни Кулибинъ уѣхалъ въ родной Нижній. Но и тамъ, уже дряхлымъ старикомъ, онъ продолжалъ работать надъ своими изобрѣтеніями, составлялъ новый проектъ желѣзнаго моста для Невы, на трехъ желѣзныхъ рѣшетчатыхъ аркахъ, которыя онъ предполагалъ утвердить на четырехъ каменныхъ быкахъ, обшитыхъ, для предохраненія отъ льда, желѣзомъ и пр.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ принялся за составленіе проекта машины, которая, разъ пущена въ ходъ, двигалась бы вѣчно (perpetuum mobile)—машины, о постройкѣ которой мечтали многіе изобрѣтатели. Но какъ и другимъ—Кулибину не удалось построить такую машину...

За три года до смерти пожаръ истребилъ два дома Кулибина въ Нижнемъ—единственное достояніе и обезпеченіе многочисленной семьи. Послѣ пожара онъ уже почти не покидалъ постели. Несмотря, однако, на старость и болѣзнь, Кулибинъ все-таки постоянно продолжалъ заниматься проектами разныхъ изобрѣтеній.

Умеръ Кулибинъ 83 лѣтъ, 30 іюня 1818 года, въ крайней бѣдности, не оставивъ послѣ себя никакого наслѣдства, такъ что вдова его принуждена была заложить послѣдніе стѣнные часы за 300 рублей, да нѣкоторые изъ друзей покойника собрали для нея 175 р. Самое погребеніе принялъ на себя, при нѣкоторой помощи родственниковъ покойнаго, часовщикъ Нятериковъ, самъ человѣкъ недостаточный. Скромный памятникъ на могилѣ Кулибина поставленъ нижегородскимъ архіепископомъ Іаковомъ.

ЗАРУБИНЪ.

ВЪ посадѣ Пучежѣ, Костромской губ., у судопромышленника мѣщанина Алексѣя Зарубина, въ 1817 году, родился мальчикъ, которому при крещеніи дали имя Павелъ. Когда мальчику минуло десять лѣтъ, отецъ попросилъ одного изъ своихъ родственниковъ—дьячка—заняться обученіемъ мальчика. Но учитель-дьячокъ вскорѣ отказался давать уроки, выразивъ, что ребенокъ не имѣетъ никакихъ способностей и что учить его грамотѣ—напрасная трата времени, а лучше пріучить его къ какой-нибудь простой работѣ.

Родители повѣрили учителю и заставили Павлушу работать на огородѣ. Но мальчикъ былъ вовсе не такимъ неспособнымъ къ ученію, какъ полагалъ его учитель-дьячокъ. Напротивъ, онъ только и мечталъ о томъ, какъ бы выучиться грамотѣ. Тайкомъ отъ домашнихъ, на мѣдныя деньги, данныя ему для покупки нѣсколькихъ фунтовъ печенаго хлѣба, онъ пріобрѣлъ букварь и, забравшись въ уголъ, потихоньку затверживалъ азбуку. Потомъ, при помощи своихъ товарищей, выучилъ

склады и уже совершенно одинъ, безъ всякой помощи научился читать. Въ это же время въ немъ пробудилась страсть къ рисованію. Страсть эта до такой степени была сильна, что, несмотря на угрозы и даже побои, онъ не могъ отказаться отъ нея и потихоньку, при свѣтѣ лучины, просиживалъ цѣлыя ночи за рисованіемъ. Не имѣя возможности купить бумагу, онъ рисовалъ углемъ на стѣнахъ и печкахъ (за что не разъ ему доставалось отъ наблюдавшихъ за чистотою), а затѣмъ, познакомившись съ пучежскими иконописцами, сталъ подъ ихъ руководствомъ писать образа и картины масляными красками.

Родители его, видя, что всѣ мѣры, предпринятыя ими для того, чтобы потушить въ мальчикѣ страсть къ рисованію, остаются тщетными, и предполагая, что этотъ родъ занятій болѣе или менѣе можетъ дать заработокъ, рѣшились, наконецъ, не мѣшать его занятіямъ.

Въ 1830 году умеръ отецъ Павлуши, оставивъ больную жену съ пятью дѣтьми. Старшій сынъ былъ тоже болѣзненнаго сложенія и не принималъ никакого участія въ дѣлахъ. Все бремя содержанія семьи пало на второго сына, т.-е. Павлушу. Но какія усилія ни употреблялъ П. А. Зарубинъ для поддержанія своей семьи, что ни придумывалъ, все-таки средствъ къ жизни не доставало. И „рисовальщикъ“ принужденъ былъ оставить свое любимое занятіе и обратиться къ родному, наслѣдственному ремеслу—судопромышленности. Отецъ оставилъ въ наслѣдство семьѣ двѣ старыя барки,

на которыя П. А. Зарубинъ и возложилъ всѣ свои упованія. Онъ не долго думалъ. Набравъ кладь для доставленія въ одну изъ волжскихъ пристаней, онъ составилъ артель бурлаковъ и въ 1831 году

П. А. Зарубинъ.

пустился въ путь. Но первый же путь оказался неудачнымъ: одно судно нагнало на берегъ и оно разбилось, частью по винѣ самого владѣльца, который увлекся... ариѳметическими вычисленіями и изученіемъ механики и слишкомъ мало вниманія обращалъ на своихъ людей...

Послѣ этого Зарубинъ рѣшилъ взяться за часовое мастерство, которое его давно уже занимало. Безъ всякой посторонней помощи, безъ всякаго наставника, онъ сталъ изготовлять довольно хорошіе стѣнные и затѣмъ столовые часы. Но сбытъ часовъ былъ ничтоженъ, а потому Зарубинъ скоро оставилъ и это ремесло. Для удовлетворенія же нуждъ семьи онъ предпринялъ различныя средства, сдѣлался мебельщикомъ и, между прочимъ, изготовилъ оригинальный туалетъ съ музыкой, предназначенный для одной помѣщицы. Но такъ какъ и столярное дѣло не приносило барышей, то Зарубинъ опять сталъ придумывать, чѣмъ бы заняться.

Въ это время открылось нѣсколько вакансій въ землемѣрномъ вѣдомствѣ, гдѣ отъ поступающихъ требовалось умѣніе рисовать и кое-какія познанія по математикѣ и естествознанію. Зарубинъ рѣшаетъ поступить въ это вѣдомство, усердно берется за книги, успѣшно держитъ экзаменъ и принимаетъ мѣсто чертежника въ костромской землемѣрной чертежной.

Здѣсь онъ вскорѣ успѣлъ выдвинуться. Обративъ вниманіе, что существовавшіе до тѣхъ поръ приборы для исчисленія площадей и составленія плановъ далеко не удовлетворительны, Зарубинъ придумалъ приборъ для вѣрнаго измѣренія и точнаго нанесенія на бумагу измѣряемыхъ площадей земной поверхности. Но изобрѣтеніе это на первыхъ порахъ вызвало зависть среди ближайшихъ чиновниковъ чертежной и когда онъ предложилъ ввести свой приборъ, его никто не хотѣлъ слу-

шать, никто не хотѣлъ понять. Мало того, въ его формуляръ была внесена отмѣтка: „увлекаетъ себя затѣйливыми занятіями, вредными и нетерпимыми на службѣ“.

Но, несмотря на всѣ препятствія, даже на угрозы, что его привлекутъ къ суду, Зарубину какъ-то удалось въ 1853 году представить свои изобрѣтенія высшему межевому начальству, которое, видя въ лицѣ Зарубина несомнѣнно способнаго и знающаго человѣка, перевело его въ Москву, въ землемѣрную канцелярію старшимъ землемѣрнымъ помощникомъ, а затѣмъ въ Петербургъ.

Въ Москвѣ Зарубинъ продолжалъ работать надъ своими изобрѣтеніями и вскорѣ представилъ въ Академію пять изобрѣтенныхъ имъ землемѣрныхъ инструментовъ. Изъ числа ихъ одинъ—планографъ — имѣлъ цѣлью служить для нанесенія угловъ на планъ, а прочіе четыре—для вычисленія площадей плановъ. Между послѣдними особенно выдѣлялся приборъ, названный изобрѣтателемъ—планиметръ-секторъ; при помощи этого инструмента площадь плана вычислялась самымъ простымъ образомъ, механически, посредствомъ стрѣлки на особомъ цферблатѣ. Академія наукъ признала изобрѣтеніе механика-самоучки полезнымъ и присудила ему демидовскую премію.

Въ 1856 году Зарубинъ представилъ въ Академію наукъ еще одинъ инструментъ своего изобрѣтенія: планиметръ-самокатъ. Академія, сравнивъ этотъ инструментъ съ подобными приборами иностраннаго изобрѣтенія, признала его бо-

лѣе удобнымъ и полезнымъ въ практикѣ и присудила изобрѣтателю опять премію.

Вслѣдъ затѣмъ Зарубинъ изобрѣлъ еще одинъ землемѣрный приборъ, трансформометръ, посредствомъ котораго явилось возможнымъ значительно ускорить исчисленіе площадей плановъ.

Другіе землемѣры съ завистью относились къ Зарубину и старались тормозить примѣненіе его изобрѣтеній, въ особенности когда Зарубинъ при посредствѣ изобрѣтенныхъ имъ приборовъ сталъ доказывать, что планы, составляемые присяжными землемѣрами, не вѣрны. Враги Зарубина утверждали, что зарубинскія изобрѣтенія не имѣютъ никакой цѣнности, что они ничтожны и т. д.

Кромѣ землемѣрныхъ приборовъ, Зарубинъ изобрѣлъ еще водоподъемникъ, сельскохозяйственный пожарный насосъ, жатвенную телѣжку и пр. Первое изъ перечисленныхъ изобрѣтеній Императорское Вольно-экономическое Общество наградило золотою медалью.

За неимѣніемъ средствъ, Зарубинъ не могъ осуществить нѣсколько другихъ задуманныхъ и описанныхъ имъ инструментовъ, какъ-то инструментъ для измѣренія морской глубины на весьма глубокихъ мѣстахъ безъ посредства линя или веревки, приборъ для опредѣленія скорости хода корабля и пройденнаго имъ пути и др.

„Можетъ быть,—говорилъ самъ Зарубинъ,—мои изобрѣтенія не всѣ одинаково полезны; но есть между ними и весьма полезныя, въ этомъ я увѣренъ. Если же въ числѣ ихъ есть и ничтожныя,

малыя, то вѣдь самыя великія открытія бываютъ тамъ, гдѣ не пренебрегаютъ малыми, да и нѣтъ такихъ открытій и изобрѣтеній, которыя появились бы въ свѣтъ сразу въ самомъ усовершенствованномъ видѣ“.

Независимо отъ своихъ изобрѣтеній, Зарубинъ написалъ рѣлый рядъ статей и брошюръ по техническимъ и другимъ вопросамъ.

Въ память Зарубина Императорское Вольно-экономическое Общество учредило золотую медаль.

ПРОТОІЕРЕЙ ТУРЧАНИНОВЪ.

ЗНАМЕНИТЫЙ фельдмаршалъ Потемкинъ, проѣзжая чрезъ Кіевъ, былъ восхищенъ голосомъ одного изъ пѣвчихъ корпуса пѣшихъ стрѣлковъ и, заинтересовавшись этимъ пѣвчимъ, взялъ его къ себѣ, а затѣмъ поручилъ руководству знаменитаго въ то время учителя пѣнія Сарти. Со временемъ изъ простого пѣвчаго вышелъ одинъ изъ извѣстнѣйшихъ представителей духовной музыки въ Россіи.

Петръ Ивановичъ Турчаниновъ (фамилія этого пѣвчаго) родился въ 1779 году; на восьмомъ году возраста онъ былъ отданъ въ кіевское народное училище, откуда генералъ Леонидовъ перевелъ его въ хоръ пѣвчихъ, составленный при формировавшемся имъ корпусѣ пѣшихъ стрѣлковъ. Тутъ то Потемкинъ и имѣлъ случай ознакомиться съ прекраснымъ голосомъ Турчанинова. Послѣ смерти Потемкина, Турчаниновъ, не имѣя средствъ продолжать уроки у Сарти, возвратился въ Кіевъ и снова поступилъ въ хоръ генерала Леонидова, состоявшій подъ управленіемъ капитана Веделя.

Послѣдній докончилъ музыкальное образованіе Турчанинова. Вскорѣ Турчаниновъ, продолжая самъ изучать духовную музыку, занялъ должность ре-

Протоіерей П. И. Турчаниновъ.

гента пѣвческаго хора сначала въ Кіевѣ, потомъ въ другихъ мѣстахъ. Въ 1803 г. Турчаниновъ поступилъ въ духовное званіе, принялъ санъ священника. Въ 1827 году онъ былъ назначенъ учи-

телемъ пѣнія въ придворной капеллѣ въ С.-Петербургѣ.

Изучая тщательно древніе церковные музыкальные напѣвы, Турчаниновъ переложилъ много новыхъ псалмовъ и проч., которые были разрѣшены Св. Синодомъ къ употребленію при богослуженіи. Собраніе духовно-музыкальныхъ сочиненій Турчанинова было предпринято уже послѣ его смерти, послѣдовавшей въ 1856 году.

ЩЕПКИНЪ.

ВЪ домѣ курскаго помѣщика, графа Волкенштейна, въ домашнемъ театрѣ, въ 1795 году давали оперу „Новое Семейство“.

Въ числѣ зрителей находились многіе дворовые графа и, въ ихъ числѣ, сынъ крѣпостного, семилѣтній Миша Щепкинъ, уроженецъ села Краснаго, Обоянскаго уѣзда, Курской губ.

Мальчикъ такъ былъ пораженъ невиданнымъ зрѣлищемъ, что съ этого времени сталъ чуть не бредить театромъ. Отданный въ суджекское училище, впечатлительный и способный Миша не переставалъ и здѣсь, среди ученья, пылать страстью къ театру, особенно послѣ того, когда ему удалось впервые самому участвовать въ пьесѣ Сумарокова „Вздорщица“.

Изъ Суджи отецъ перевезъ Мишу въ Бѣлгородъ и поселилъ у священника, человѣка весьма умнаго, который пр подавалъ мальчику Законъ Божій, церковную исторію и начала латинскаго языка. Тринадцати лѣтъ Щепкинъ поступилъ прямо въ третій классъ губернскаго училища въ Курскѣ; черезъ

какіе-нибудь два мѣсяца онъ догналъ товарищей и переведенъ былъ въ послѣдній, четвертый классъ. Превосходно занимаясь, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ много читалъ, пользуясь книгами изъ библіотеки поэта Богдановича, автора „Душеньки“, который вызвался руководить чтеніемъ Щепкина, увидавъ его впервые въ домѣ графа Волкенштейна. Страсть къ театру не угасала въ Щепкинѣ и поддерживалась знакомствомъ съ братьями Барсовыми, содержавшими частный театръ въ Курскѣ. Въ театрѣ этомъ Щепкинъ постепенно пріобрѣталъ нѣкоторыя познанія въ сценическомъ искусствѣ. Однажды, послѣ усиленныхъ просьбъ, онъ былъ допущенъ къ исполненію роли Фирюлина въ пьесѣ Княжнина „Несчастье отъ кареты“, при чемъ заслужилъ игрой одобреніе своего барина, который однако не думалъ, что изъ его дворовaго выйдетъ впослѣдствіи великій артистъ. Это было лѣтомъ 1803 года. Вскорѣ послѣ этого гр. Волкенштейнъ опредѣлилъ его помощникомъ землемѣра, межевавшаго земли графа. Щепкину исполнилось 16 лѣтъ, когда онъ блестяще сдалъ выпускной экзаменъ и, по приказанію своего помѣщика, произнесъ привѣтственную рѣчь попечителю Харьковскаго университета, пріѣзжавшему открывать гимназію въ Курскѣ. Рѣчь такъ понравилась директору, что тотъ послалъ съ нимъ благодарственное письмо къ гр. Волкенштейну. Помѣщикъ, довольный Мишею (какъ тогда называли Щепкина всѣ графскіе домашніе), позволилъ ему заниматься чѣмъ хочетъ. Не трудно угадать, что, при своей страсти къ

театру, Щепкинъ тотчасъ поступилъ на сцену, пристроившись къ Барсовымъ. Въ ноябрѣ 1805 года по болѣзни какого-то актера, онъ сыгралъ роль почтаря въ одной драмѣ — и съ этого времени судьба его рѣшилась: Щепкинъ уже не сходилъ

М. С. Щепкинъ.
Съ современнаго портрета

со сцены и безъ малаго двадцать лѣтъ велъ, какъ и большинство жрецовъ театральнаго искусства, вполнѣ кочевую жизнь. Игралъ онъ все, „что было необходимо для составленія спектаклей“. Талантъ Щепкина, не смотря на условія далеко неблагопріятныя, росъ и развивался съ каждымъ годомъ. Во всей южной Россіи онъ уже пользовался такой

извѣстностью, любовью и уваженіемъ, что въ 1818 году жители Полтавы съ Н. Г. Рѣпинымъ во главѣ, устроили спектакль въ пользу Щепкина и, выручивъ, съ пожертвованными суммами, около восьми тысячъ рублей, къ которымъ Рѣпинъ прибавилъ еще отъ себя двѣ тысячи слишкомъ,—выкупили артиста изъ крѣпостной зависимости.

Въ 1822 году Щепкинъ дебютировалъ въ Москвѣ, сразу обворожилъ всѣхъ и былъ приглашенъ въ московскую труппу на роли первыхъ комиковъ.

Въ 1825 году Щепкинъ появился впервые на петербургской сценѣ, гдѣ тоже сталъ любимцемъ публики.

Сцену, театръ—Щепкинъ любилъ до забвенія. „Жить для Щепкина, — говоритъ С. Т. Аксаковъ—значило играть на театрѣ; играть—значило жить“. Обладая природнымъ комическимъ талантомъ, онъ не удовольствовался, однако, только тѣмъ даромъ, которымъ надѣлила его природа, но постоянно работалъ, въ буквальномъ смыслѣ слова, надъ развитіемъ своего дарованія.

Безъ руководителей, не видя хорошихъ образцовъ, которые приходилось ему отыскивать случайно, онъ, исключительно путемъ долгихъ размышленій и упражненій, проводя нерѣдко надъ какой-нибудь пьесою цѣлый рядъ безсонныхъ ночей, великолѣпно создавалъ роли, мастерски изображалъ выведенные авторами типы.

И только этимъ объясняется, почему Щепкинъ достигъ славы одного изъ величайшихъ русскихъ

актеровъ. Число ролей, въ которыхъ онъ выступалъ, было огромно, и во всѣхъ своихъ роляхъ онъ поражалъ естественностью и непринужденностью игры своей. Геніальному артисту равно были доступны и иноземные характеры и типы, и чисто русскіе, со всѣми чертами страны или вѣка, въ которыхъ эти типы и характеры дѣйствуютъ. „Онъ былъ, по словамъ Погодина, достойнымъ помощникомъ, дополнителемъ и истолкователемъ великихъ мастеровъ сцены, отъ Шекспира и Мольера до нашихъ отечественныхъ писателей— Фонвизина, Капниста, Грибоѣдова, Гоголя, Шаховскаго, Загоскина и Островскаго. Многіе Мольеровскіе характеры переданы имъ были такъ, что сами французы могли намъ иногда завидовать. Въ малороссійскихъ роляхъ онъ былъ неподражаемъ, и часто знакомилъ насъ съ Малороссіей лучше, чѣмъ сама исторія и даже поэзія“.

Прослуживъ на сценѣ больше полувѣка, Щепкинъ скончался 11 августа 1863 года.

ЗАБѢЛИНЪ.

КЪ директору Преображенскаго сиротскаго училища при Богадѣленномъ домѣ московскаго Приказа Общественнаго Призрѣнія, въ 1832 году, обратилась вдова скромнаго труженика-чиновника съ просьбою принять въ училище ея двѣнадцатилѣтняго сына.

— Мужъ мой,—разсказывала вдова,—служилъ раньше въ Твери, въ казенной палатѣ, а затѣмъ былъ переведенъ въ Москву, гдѣ умеръ не оставивъ никакихъ средствъ. Сжальтесь, господинъ директоръ, примите моего мальчика-сироту...

— У насъ принимаются мальчики только до десятилѣтняго возраста,—отвѣтилъ директоръ,—и притомъ свободныхъ вакансій теперь нѣтъ.

Но вдова такъ усердно просила принять участіе въ ея горѣ, что директоръ сжалился надъ ней и, въ видѣ исключенія, принялъ ея сына.

Пробывъ пять лѣтъ въ училищѣ, мальчикъ за „великовозрастіемъ“ былъ выпущенъ изъ него, хотя и не кончилъ курса, и опредѣленъ канцелярскимъ служителемъ-писцомъ второго разряда въ Московскую Оружейную Палату.

Мальчикъ, вѣрнѣе уже юноша (ему было 17 лѣтъ), переписывая разныя бумаги, касающіяся древнихъ историческихъ предметовъ, находящихся и присылаемыхъ въ Палату, пристрастился къ древности, къ исторіи, сталъ усердно читать

И. Е. Забѣлинъ.

исторію Карамзина, „Жизнеописанія Плутарха“ и др. историческія сочиненія. Въ то же время, украдкой и урывками отъ службы, онъ знакомился съ архивомъ Палаты, съ хранилищемъ разнообразныхъ и цѣнныхъ памятниковъ древняго царскаго быта, выучился разбирать старое письмо и усердно дѣ-

лалъ выписки. Изъ этихъ выписокъ онъ составилъ небольшую статью, но по робости относился недовѣрчиво къ своему первому труду, озаглавленному „Троицкіе походы“. И лишь послѣ долгихъ размышленій рѣшился снести рукопись редактору Московскихъ Губернскихъ Вѣдомостей, В. В. Пассеку. Тотъ заинтересовался работой молодого канцелярскаго служителя, одобрилъ ее, напечаталъ въ своей газетѣ и совѣтовалъ ему не бросать литературно-научныхъ занятій. Послѣ этой первой удачи, юный писецъ продолжалъ работать надъ другими статьями, но все не рѣшался отдавать ихъ въ печать и только стѣсненныя обстоятельства заставили его, наконецъ, обратиться со своими литературно-научными работами въ редакціи разныхъ журналовъ. Всѣ эти работы были признаны дѣльными и интересными, и мало-по-малу скромный писецъ Оружейной Палаты завоевалъ себѣ извѣстность и пролагалъ тяжкимъ трудомъ дорогу на ученомъ поприщѣ.

Прошли годы и воспитанникъ сиротскаго училища, не окончившій курса и служившій затѣмъ простымъ канцелярскимъ служителемъ—сталъ преподавателемъ исторіи, сначала въ Константиновскомъ Межевомъ Институтѣ, а затѣмъ въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ, былъ возведенъ совѣтомъ университета Св. Владиміра въ Кіевѣ на степень доктора русской исторіи, былъ избранъ предсѣдателемъ Императорскаго Общества Исторіи и Древностей, членомъ Академіи Наукъ, почетнымъ членомъ многихъ университетовъ и разныхъ ученыхъ

обществъ—и занялъ одно изъ первыхъ мѣстъ среди изслѣдователей русской старины.

Этотъ скромный писецъ былъ Иванъ Егоровичъ Забѣлинъ.

И. Е. Забѣлинъ за работой въ Историческомъ Музеѣ
(Съ фотографіи Ренца).

Свыше полувѣка трудился онъ для русской исторической науки и своими изслѣдованіями: „Домашній бытъ русскихъ царей и царицъ XVI и XVII вѣка“, „Памятники древняго русскаго зодчества“, „Развитіе московскаго самодержавія“,

„Исторія русской жизни съ древнѣйшихъ временъ“, „Исторія города Москвы“ и др., прославилъ свое имя, какъ замѣчательный ученый, одинъ изъ самыхъ видныхъ русскихъ историковъ, одинъ изъ лучшихъ знатоковъ древняго русскаго быта, пролившій много новаго свѣта на русскую исторію и бытъ русскаго народа.

Но слава и извѣстность не легко достались Забѣлину. Десятки лѣтъ работалъ онъ надъ своими трудами, въ началѣ своей дѣятельности нерѣдко голодалъ, расходуя послѣдніе гроши на пріобрѣтеніе необходимыхъ историческихъ сочиненій, ночей не спалъ, чтобы пополнить свои скудныя знанія. Въ полномъ смыслѣ слова историкъ-самоучка, онъ до мельчайшихъ подробностей изучилъ древнюю Русь, ея народъ—„народъ-сироту, народъ-кормильца“—какъ онъ выражался,—основы его жизни, бытъ и жизнь царей и царицъ, и создалъ длинный рядъ такихъ сочиненій, которыя въ русской исторической наукѣ заняли видное мѣсто и проложили новые пути изученія далекаго прошлаго Русскаго государства.

Но Забѣлинъ былъ не только знаменитымъ историкомъ, но и выдающимся археологомъ. Почти двадцать лѣтъ онъ занимался съ большимъ успѣхомъ раскопками кургановъ въ Новороссійскихъ степяхъ и на Таманьскомъ полуостровѣ, и результаты своихъ изслѣдованій опубликовалъ въ большомъ сочиненіи „Древности Геродотовой Скиѳіи“. За труды по археологіи онъ награжденъ былъ серебряными и золотыми медалями.

Умеръ И. Е. Забѣлинъ 31 декабря 1908 года; 88-ми лѣтъ.

До конца жизни Забѣлинъ, несмотря на огромныя, признанныя всѣми его заслуги, остался скромнымъ человѣкомъ. И когда въ 1892 году съ большимъ торжествомъ праздновалось пятидесятилѣтіе его дѣятельности, онъ отвѣтилъ на привѣтствія:

— „Никогда я не могъ помышлять, что мои труды, правда, усердные, но все-таки недостаточные, заслужатъ такого одобренія“. А въ заключеніе назвалъ себя „скромнымъ дѣятелемъ науки“.

ВОРОНИХИНЪ.

ВЪ имѣніи графа А. С. Строганова, въ селѣ Новое Усолье, въ Соликамскомъ уѣздѣ, Пермской губ., во второй половинѣ XVIII вѣка, жилъ крестьянскій мальчикъ Андрюша Воронихинъ, одинъ изъ крѣпостныхъ графа, рано обнаружившій замѣчательныя способности къ рисованію. Никто его не училъ рисовать, а между тѣмъ мальчикъ удивительно вѣрно срисовывалъ виды деревни, отдѣльныя избы, берегъ рѣки и пр.

Случайно рисунки Андрюши попали на глаза графу Строганову. Андрюшѣ шелъ тогда 17-й годъ; какъ и другіе деревенскіе парни, онъ занимался обыкновенными крестьянскими работами, удѣляя рисованію только немногіе часы досуга. Графъ заинтересовался работами Воронихина, сталъ разспрашивать его и, убѣдившись въ неподдѣльной страсти къ рисованію молодого „художника“, повезъ его съ собою въ Москву и представилъ архитектору Баженову. Тотъ призналъ у Воронихина талантъ, взялъ его къ себѣ въ ученики и сталъ обучать сначала рисованію разныхъ архитектурныхъ

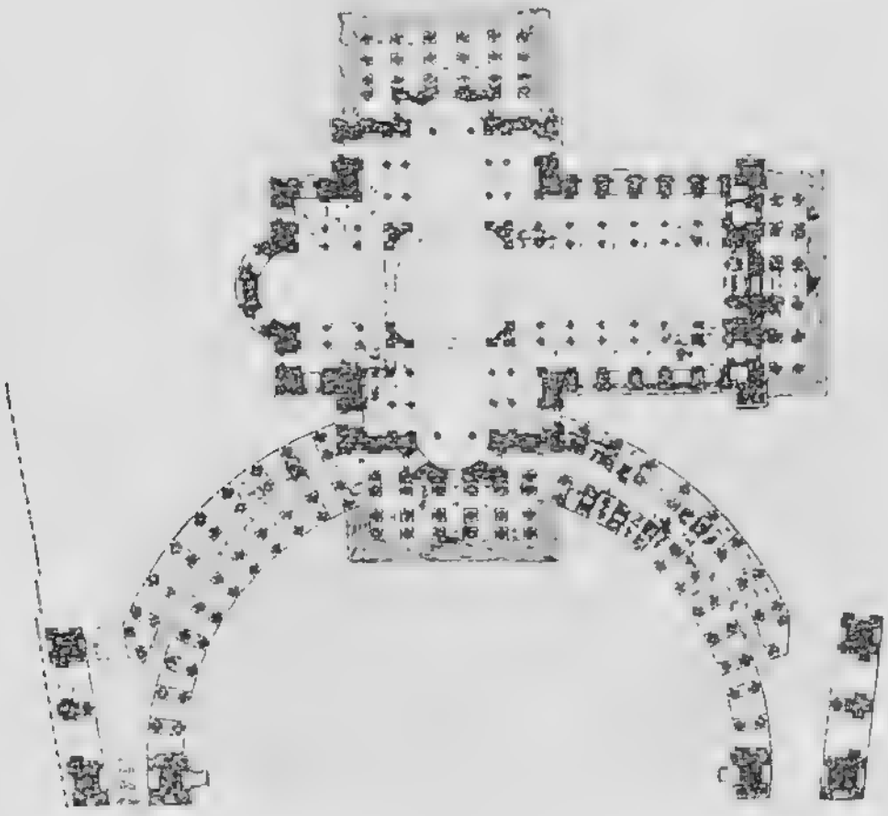
деталей, а затѣмъ и архитектурному искусству вообще. Отъ Баженова Воронихинъ перешелъ къ архитектору Карпову, у котораго продолжалъ заниматься архитектурою. У того и другого Воронихинъ работалъ очень усердно и выказывалъ без-

Андрей Никифоровичъ Воронихинъ.

спорное дарованіе. О способномъ крестьянскомъ юношѣ узналъ митрополитъ Платонъ и сталъ ему покровительствовать.

Между тѣмъ, графъ Строгановъ не забывалъ о Воронихинѣ и отправилъ его для дальнѣйшаго усовершенствованія, какъ въ архитектурѣ, такъ и въ живописи, сначала въ Петербургъ, а затѣмъ

за границу. За границею Воронихинъ серьезно изучалъ архитектуру и въ то же время много работалъ въ области живописи. Кромѣ того, онъ интересовался математикой и естественными науками, физикой, механикой и астрономіей, вообще проявлялъ замѣчательную разносторонность своихъ дарованій.



План Казанскаго собора въ С.-Петербургѣ, построеннаго А. Н. Воронихинымъ.

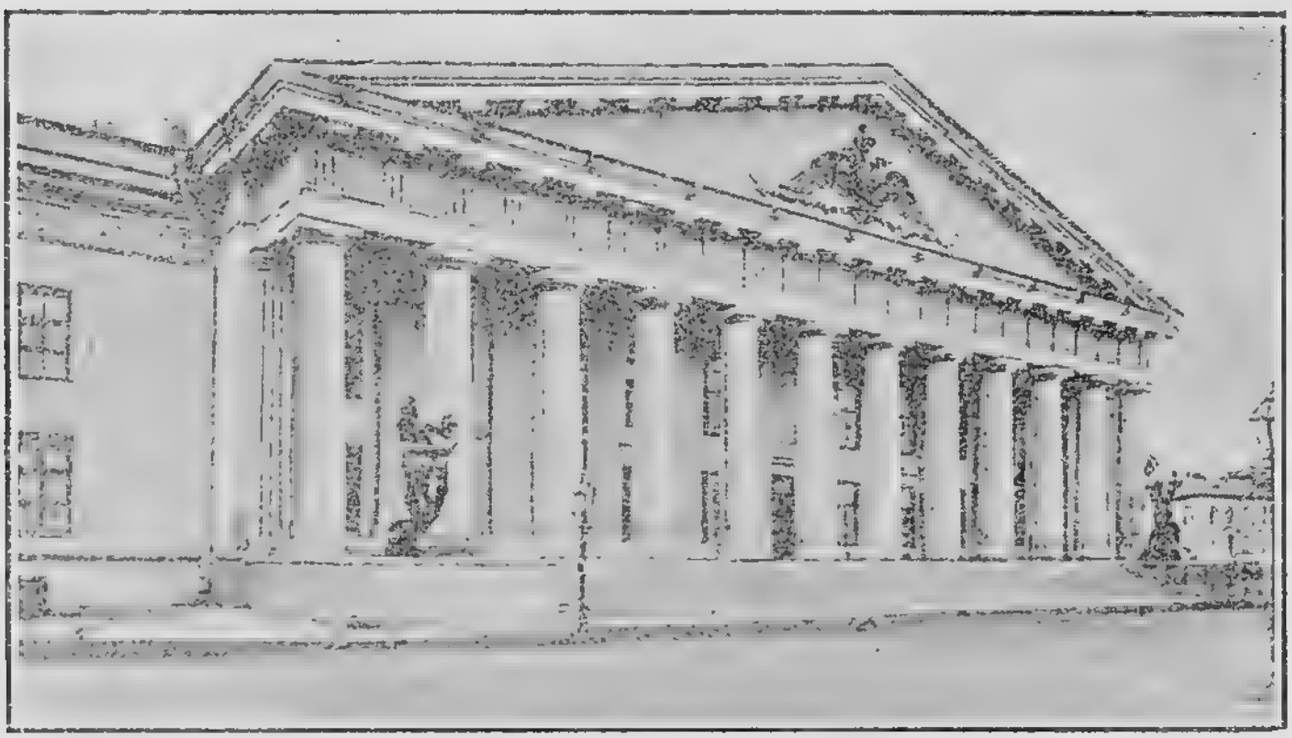
По возвращеніи въ Россію, Воронихинъ становится однимъ изъ самыхъ видныхъ русскихъ архитекторовъ. Ему, между прочимъ, поручается составленіе плана и сооруженіе собора Казанской Божьей Матери въ Спб., ставшаго однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ сооруженій столицы.

Казанскій соборъ въ С.-Петербургѣ, построенный А. Н. Воронихинымъ.

Занимаясь архитектурою, Воронихинъ продолжалъ работать и какъ живописецъ. Въ 1794-г. онъ представилъ въ Академію художествъ картину,

изображающую картинную галлерею графа Строганова, и получилъ за эту работу званіе академика. Но главная заслуга и слава Воронихина— сооруженіе храма Казанскаго собора.

Храмъ этотъ строился десять лѣтъ и руководилъ его созиданіемъ самъ Воронихинъ, по плану,



Зданіе Горнаго Института Императрицы Екатерины II въ Спб., построенное по плану Воронихина.

имъ же составленному, утвержденному императоромъ Павломъ I и одобренному затѣмъ императоромъ Александромъ I, при которомъ начались работы по сооруженію.

Закладка собора послѣдовала 27 марта 1801 г., а окончепъ соборъ былъ въ сентябрѣ 1811 года.

Кромѣ Казанскаго собора, А. Н. Воронихинымъ построены еще многія другія замѣчательныя сооружепія въ Спб., какъ, напр., зданіе Горнаго

Института, двѣ колоннады и четыре обелиска въ Петергофѣ, Стрѣльнинскій, Гатчинскій и Павловскій дворцы, первая русская терапевтическая клиника при Спб. медико-хирургич. академіи, фонтанъ на Пулковской горѣ и друг.

Умеръ Воронихинъ въ 1814 г. и похороненъ на кладбищѣ Александро-Невской лавры.

СѢРЯКОВЪ.

ВЪ селѣ Холоповѣ, Солигаличскаго уѣзда, Костромской губ., въ семьѣ крестьянина Аксена СѢрякова, 28 января 1824 года, родился мальчикъ, которому дали имя Лаврентій.

СѢряковъ-отецъ былъ человѣкъ грубый, отчаянный пьяница, но въ то же время даровитый. Онъ выучился самоучкой часовому мастерству, недурно рѣзалъ буквы на деревѣ и занимался съ успѣхомъ слесарнымъ дѣломъ.

Страсть къ рѣзьбѣ перешла и къ его сыну—мальчику Лаврентію. Мальчику было пять лѣтъ, когда отца сдали въ солдаты. Маленькій Лаврентій, слѣдуя всюду при отцѣ, былъ сначала полковымъ, а затѣмъ дивизіоннымъ пѣвчимъ.

Когда Лаврентію исполнилось десять лѣтъ, отецъ опредѣлилъ сына въ солдатскую школу кантонистовъ. Мальчикъ учился прилежно и проявлялъ такія способности къ рисованію, что его назначили учителемъ рисованія, на жалованье 12 руб. въ годъ, а затѣмъ, по выбору начальства, за отличіе въ поведеніи и грамотѣ, отпра-

вили въ Петербургъ для опредѣленія въ писаря военныхъ поселеній. Такъ какъ юный писарь превосходно рисовалъ, то, спустя два года, его перевели въ военные рисовальщики-топографы. Это было какъ бы повышеніе по службѣ, но оно не

Лаврентій Аксеновичъ Сѣряковъ.
(Съ грав. Барапова).

улучшило бѣдственнаго положенія юнаго работника, и подъ гнетомъ нужды, имѣя на рукахъ престарѣлую мать, Сѣряковъ съ радостью согласился, когда ему предложили взять на себя обязанности дворника въ одномъ небольшомъ домѣ на Пескахъ, за даровое помѣщеніе. Въ это то

время, въ одну изъ досужныхъ минутъ, ему случайно попался на глаза листокъ изъ французскаго изданія „Тысяча одна ночь“ съ гравюрой. Залюбовавшись искуснымъ выполненіемъ гравюры, Сѣряковъ задумалъ скопировать ее перочиннымъ ножикомъ на обрубкѣ березы. За первымъ подобнымъ опытомъ послѣдовали другіе, и вскорѣ Сѣряковъ до того освоился съ этимъ способомъ гравированія, что сталъ принимать работы по гравированію на деревѣ иллюстрацій дѣтскихъ книгъ, что доставило ему небольшой заработокъ. Случайное знакомство съ княземъ Одоевскимъ сблизило его съ писателемъ Кукольникомъ, издававшимъ тогда (въ 1847 г.) журналъ „Иллюстрація“ и нуждавшимся въ хорошихъ граверахъ для исполненія политипажей. Сѣряковъ сталъ работать для этого изданія. Гравюры его вскорѣ обратили на себя вниманіе Кукольника. Талантъ былъ несомнѣненъ, но рисовка еще имѣла многія погрѣшности и Сѣряковъ задумалъ, съ цѣлью усовершенствовать себя, поступить въ Академію художествъ. Но для Сѣрякова, какъ для нижняго чина, классы Академіи художествъ не были доступны и лишь ходатайство Кукольника у военнаго министра Чернышева помогло уничтожить это препятствіе: по Высочайшему повелѣнію, исходатайствованному Чернышевымъ, 23-лѣтній Сѣряковъ былъ принятъ въ Академію.

Съ юношескимъ увлеченіемъ предался онъ любимому имъ искусству. Работалъ онъ упорно, неустанно. По его собственнымъ словамъ, часто,

досадуя на какой-нибудь штрихъ, буквально обливалъ слезами гравировальную доску Впрочемъ, его труды не оставались безъ справедливой оцѣнки. Между прочимъ, императоръ Николай I одобрилъ его успѣхи и за поднесенный имъ небольшой альбомъ военныхъ группъ назначилъ ему щедрое вознагражденіе. Вскорѣ его отличила и академія; такъ въ 1853 году Сѣряковъ получилъ званіе свободнаго художника за гравюру „Голова старика въ профиль“, а въ 1858 году онъ былъ отправленъ на казенный счетъ за границу, блистательно выполнивъ передъ тѣмъ на званіе академика гравюру съ рисунка Рембрандта „Невѣріе апостола Ѳомы“.

Пять лѣтъ работалъ Сѣряковъ въ лучшихъ граверныхъ мастерскихъ Парижа и, объѣхавъ затѣмъ Европу, возвратился въ 1864 году въ Петербургъ, гдѣ вскорѣ получилъ званіе академика въ уваженіе искусства и отличныхъ познаній въ художествахъ.

Съ этой поры извѣстность Сѣрякова была обезпечена; отовсюду его завалили заказами и гравюры его сдѣлались знакомы всей читающей Россіи, появляясь какъ въ научныхъ книгахъ, такъ и въ дѣтскихъ изданіяхъ. Онъ открылъ особое граверное заведеніе, въ которомъ, при помощи учениковъ, работалъ для многихъ журналовъ, гравируя иллюстраціи на деревѣ. Въ 1865 году Сѣряковъ поступилъ преподавателемъ гравированія на деревѣ въ рисовальную школу для приходящихъ въ Спб. Въ 1866 г. за прекрасно испол-

нный портретъ императора Александра II получилъ званіе придворнаго гравера и причисленъ къ Императорскому Эрмитажу.

Число гравюръ, исполненныхъ самимъ Сѣряковымъ, достигаетъ 500; кромѣ того изъ его мастерской вышло до 900 политипажей, украшавшихъ въ свое время многіе книги и журналы.

Скончался Сѣряковъ въ Ниццѣ 2 января 1881 года.

ВОЛКОВЪ.

Въ первой половинѣ XVIII вѣка жилъ въ Ярославлѣ нѣмецкій пасторъ, состоявшій при сосланномъ туда герцогѣ Биронѣ. Располагая массою свободнаго времени и желая сколько-нибудь пополнить скудныя средства, получаемыя отъ казны за службу при опальномъ герцогѣ, пасторъ рѣшилъ заняться уроками и сталъ предлагать свои услуги, въ качествѣ учителя дѣтей, мѣстнымъ купцамъ и чиновникамъ. Въ числѣ первыхъ, отозвавшихся на предложеніе пастора, былъ ярославскій купецъ, Оедоръ Полушкинъ, пригласившій пастора учителемъ къ своему пасынку Оедору Волкову. У мальчика оказались большія способности, онъ быстро усвоилъ себѣ нѣмецкій языкъ, успѣшно изучалъ и другіе предметы, но особенно проявлялъ способности къ рисованію. Отчимъ, человѣкъ добрый, состоятельный и понимающій пользу образованія, рѣшилъ поэтому помѣстить своего пасынка въ школу при Заиконоспасскомъ монастырѣ въ Москвѣ, которая въ это время—это было около 1740 года—славилась, какъ одна изъ замѣчатель-

нѣйшихъ школъ на Руси. Въ этой школѣ мальчикъ пробылъ три года, ставъ однимъ изъ лучшихъ ея учениковъ. Но больше наукъ и всѣхъ искусствъ, которыя преподавались въ школѣ, его интересовали представленія духовнаго характера, которыя давались въ Заиконоспасскомъ училищѣ по праздникамъ. Онъ сталъ принимать въ нихъ усердное участіе. Впрочемъ, еще дома Волковъ имѣлъ склонность къ театральнымъ представленіямъ: набравъ себѣ однолѣтковъ изъ приказныхъ служителей, онъ разыгрывалъ драматическія произведенія Св. Дмитрія Ростовскаго и съ каждымъ разомъ совершенствовался болѣе и болѣе.

По окончаніи Ѳедоромъ Григорьевичемъ училища, отчимъ сдѣлалъ его и его брата товарищами своихъ промышленныхъ и торговыхъ предпріятій и отправилъ Ѳедора въ 1746 г. въ Петербургъ съ тѣмъ, чтобы онъ поучился тамъ въ одной нѣмецкой конторѣ веденію торговыхъ книгъ. По вечерамъ Волковъ сталъ посѣщать театры, гдѣ въ то время давали представленія только итальянскіе и нѣмецкіе „комедіанты“. Русскаго театра, въ которомъ играли бы настоящіе актеры, еще не существовало, и въ устраиваемыхъ изрѣдка спектакляхъ при дворѣ и у нѣкоторыхъ вельможъ участвовали, въ качествѣ исполнителей, любители изъ петербургской знати. Увидѣвъ впервые представленія на настоящей сценѣ и въ исполненіи настоящихъ артистовъ, Волковъ пришелъ въ восторгъ. Страсть его къ театру еще болѣе усилилась, когда онъ побывалъ на домашнемъ театрѣ

въ Сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ, гдѣ въ первый разъ услыхалъ со сцены русскую рѣчь. Этотъ спектакль рѣшилъ судьбу Волкова. Онъ задумалъ, во что бы то ни стало, устроить театръ у себя на

Ѳедоръ Григорьевичъ Волковъ.
(Гравюра Лосенкова).

родинѣ, въ Ярославлѣ, и для этого перезнакомился съ итальянскими актерами, съ живописцами, музыкантами и другими спеціалистами, состоявшими при итальянской императорской труппѣ. Онъ все высмотрѣлъ, отъ архитектуры театральнаго зданія до машинъ и всевозможныхъ мелочей; сдѣлалъ

много чертежей, рисунковъ и моделей; выспросилъ актеровъ „о правилахъ и совершенствѣ театральной игры“ и т. д.

Въ это время—это было въ 1747 г.—скончался отчимъ Волкова, и Ѳедоръ Григорьевичъ, вызванный братомъ, уѣхалъ въ Ярославль.

Волкову предстояло собственно заняться торговыми дѣлами умершаго отчима, но эти дѣла его не притягивали: онъ твердо рѣшилъ заняться устройствомъ театра. Многіе изъ русскихъ людей того времени, въ особенности въ провинціи, смотрѣли еще на театръ, то какъ на „потѣху діавола“, то какъ на безполезную забаву, и Волкову поэтому пришлось немало поработать для достиженія своей цѣли, борясь и съ невѣжествомъ, и съ равнодушіемъ массы. Сперва Волковъ устроилъ театральныя представленія при содѣйствіи брата, въ своей комнатѣ, потомъ въ кожевенномъ сараѣ отчима и мало-по-малу привлекъ вниманіе публики, пріохотивъ ее къ этимъ представленіямъ. Первый спектакль въ театрѣ Волкова, устроенномъ въ кожевенномъ сараѣ, состоялся 29 іюня 1750 г.; играли драму „Эсопъ“ и небольшую пьесу „Эвмонъ и Берфа“. Въ числѣ зрителей находились ярославскій воевода Мусинъ-Пушкинъ и помѣщикъ Майковъ. Волковъ обратился къ нимъ съ просьбою дать ему средства расширить начатое имъ дѣло и помочь въ хлопотахъ объ устройствѣ публичнаго театра. Тѣ согласились. Въ 1750 году, при содѣйствіи дворянства и купечества, на берегу Волги было возведено деревянное зданіе для театра,

который могъ вмѣщать въ себѣ до тысячи зрителей. При его сооруженіи и устройствѣ Волковъ исполнялъ обязанности и архитектора, и живописца, и машиниста, и костюмера, а когда все было готово, сдѣлался главнымъ директоромъ и первымъ актеромъ театра.

Первая пьеса, которая шла въ новомъ театрѣ, носила названіе „Титово милосердіе“. Она была переведена съ итальянскаго самимъ Волковымъ.

Съ первыхъ же дней театръ встрѣтилъ сочувствіе среди публики. Спектакли его стали усердно посѣщ ть, пріѣзжали нарочно, чтобы посмотрѣть Волкова и его труппу.

Слухъ объ успѣхахъ Волковской труппы дошелъ вскорѣ и до императорскаго двора. По повелѣнію императрицы Елизаветы Петровны, основатель театра, вмѣстѣ съ труппою, былъ въ 1752 г. доставленъ ко двору. Труппа играла въ Царскомъ Селѣ, на придворномъ театрѣ, „Грѣшника“, „Хорева, Синава и Трувора“ и „Гамлета“ и была обласкана императрицею. Самъ Волковъ былъ человѣкъ образованный и зналъ нѣсколько языковъ, но актеры его не имѣли почти никакого образованія, а потому императрица повелѣла доморощенныхъ артистовъ труппы опредѣлить въ кадетскій корпусъ на казенное содержаніе для „обученія наукамъ и языкамъ“. Тѣмъ временемъ Волковъ занимался чтеніемъ, музыкой, рисованіемъ и въ свободные часы сталъ мастерить кукольный театръ, въ ожиданіи постройки настоящаго—и дождался-таки. 30 августа 1756 года состоялся

указъ объ учрежденіи публичнаго, постояннаго россійскаго театра; директоромъ его былъ назначенъ А. П. Сумароковъ, а первымъ актеромъ сдѣланъ Волковъ, при чемъ послѣднему было присвоено званіе „перваго придворнаго актера“. На этомъ театрѣ Волковъ проявилъ свой талантъ въ полномъ блескѣ и былъ признанъ выдающимся актеромъ даже иностранцами, посѣщавшими Россію.

Но Волковъ былъ не только актеромъ: онъ самъ писалъ пьесы, переводилъ французскія трагедіи и комедіи, писалъ декораціи, сочинялъ музыку къ своимъ пьесамъ и пр. Полюбивъ театръ всей душой и видя въ немъ не одно только развлеченіе, Волковъ, въ своихъ театральныхъ пьесахъ, старался проводить разныя нравственныя истины, искоренять предразсудки и пр.—и пьесы его были переполнены цѣлыми проповѣдями. Къ сожалѣнію, почти всѣ его произведенія затеряны и объ ихъ содержаніи и достоинствахъ можно судить лишь по запискамъ и воспоминаніямъ современниковъ.

Какъ актеръ, Волковъ исполнялъ больше 60 ролей, изъ которыхъ лучшія были трагическія. Въ исполненіи ролей онъ стремился всегда къ правдѣ, къ вѣрному воплощенію на сценѣ данныхъ героевъ пьесы. Сама декламація его отличалась изяществомъ, естественностью. По свидѣтельству современниковъ, декламировалъ онъ всегда просто, не гнался за эффектомъ, что не мѣшало ему, однако, производить сильное впечатлѣніе на слушателей.

Скончался Волковъ 4 апрѣля 1763 г. Тѣло его погребено было съ великолѣпной церемоніей, въ присутствіи знатнѣйшихъ придворныхъ и при большомъ стеченіи народа, въ московскомъ Андроньевѣ монастырѣ.

КНЯЗЬ ХИЛКОВЪ.

Въ контору компаніи, строившей трансатлантическую желѣзную дорогу въ Америкѣ, явился молодой человѣкъ—русскій, заявившій желаніе получить какое-либо мѣсто.

— Теперь остались еще свободными только мѣста кочегаровъ,—заявили молодому человѣку.— Согласны вы поступить на такое мѣсто?

— Согласенъ; но,—прибавилъ молодой человѣкъ,—я долженъ предупредить, что дѣла не знаю. Я состоялъ до сихъ поръ на военной службѣ...

— Для того, чтобы занять мѣсто простого кочегара, особенныхъ знаній не нужно,—объяснили молодому человѣку,—вы должны только исполнять все то, что вамъ скажетъ машинистъ. Сначала вы будете работать въ мастерскихъ, а затѣмъ на локомотивахъ.

Въ тотъ же день молодой пріѣзжій былъ зачисленъ въ кочегары.

И по внѣшнему своему виду, и по разговору, манерамъ, но въ особенности по нѣжнымъ, бѣлымъ рукамъ, онъ очень мало походилъ на другихъ ра-

бочихъ компаніи, хотя между ними были люди самыхъ разнообразныхъ слоевъ общества.

Молодой человѣкъ быстро освоился съ новою для него профессіею и своимъ внимательнымъ отношеніемъ къ дѣлу и стараніемъ изучить его во

Князь Михаилъ Ивановичъ Хилковъ.
(Съ фот. Здобнова).

всѣхъ подробностяхъ—обратилъ вниманіе начальства, которое, раньше другихъ его товарищей, произвело его въ старшіе кочегары, затѣмъ въ помощники машиниста и наконецъ въ машинисты.

Прослуживъ такимъ образомъ четыре года на желѣзнодорожной службѣ, молодой человѣкъ

рѣшилъ, для болѣе подробнаго изученія своего дѣла, отправиться еще въ Англію, пополнить свои знанія, а затѣмъ уже вернуться въ Россію, съ тѣмъ, чтобы всецѣло посвятить себя желѣзнодорожной дѣятельности.

Этотъ молодой человѣкъ былъ князь Михаилъ Ивановичъ Хилковъ, впослѣдствіи русскій министръ путей сообщенія и членъ Государственнаго Совѣта.

Кн. М. И. Хилковъ происходилъ изъ очень древняго рода, отъ потомковъ самого Рюрика. Онъ родился въ 1834 году, образованіе получилъ въ Пажескомъ корпусѣ, откуда въ 1853 году былъ выпущенъ въ л.-гв. Егерскій полкъ. Но военная служба не удовлетворяла его. Онъ мечталъ о какой-нибудь другой дѣятельности. „Хотѣлось бы поработать на такомъ поприщѣ, — писалъ онъ одному изъ своихъ друзей,—гдѣ я могъ бы принести больше пользы, хотя бы и на скромномъ поприщѣ рядового труженика. Признаю, что великая честь носить гвардейскій мундиръ, — но только носить мундиръ я не хочу“. Послѣ четырехлѣтняго пребыванія въ полку, князь Хилковъ, въ 1857 г., снялъ офицерскій мундиръ и занялся самообразованіемъ, сознавая, что у него недостаточный запасъ знаній; затѣмъ сталъ путешествовать по Россіи и Америкѣ, а по возвращеніи былъ нѣкоторое время мировымъ посредникомъ. Въ 1864 году князь опять отправился въ Америку за новымъ счастьемъ, создать себѣ карьеру тяжелымъ трудомъ. Поѣхалъ онъ туда съ очень скудными средствами, не считаясь съ протек-

ціею и связями. Вскорѣ по пріѣздѣ въ Америку онъ и поступилъ въ кочегары. Не имѣя необходимой спеціальной подготовки, цѣлый день занятый сначала въ кочегаркѣ мастерской желѣзнодорожной компаніи, а затѣмъ на линіи самой до-

Князь Хилковъ въ желѣзнодорожномъ вагонѣ.
(Съ фотографіи Булла).

роги, князь Хилковъ все свободное отъ занятій время употреблялъ на изученіе механики, техники, машиностроительнаго и желѣзнодорожнаго дѣла. И никто изъ его товарищей по службѣ не подозрѣвалъ, что скромный кочегаръ изъ Россіи носитъ княжескій титулъ, что онъ членъ знатнаго

рода, да и самъ онъ скрывалъ свое званіе. Однако оставаться въ Америкѣ онъ не пожелалъ, хотя могъ тамъ сдѣлать блестящую карьеру. Перейдя изъ кочегаровъ въ машинисты, а затѣмъ—въ завѣдующіе отдѣломъ локомотивовъ, онъ получаетъ мѣсто управляющаго, на правахъ инженера, цѣлой линіей дороги, и рѣшаетъ ѣхать обратно въ Россію. Прежде чѣмъ вернуться на родину, онъ прослужилъ еще около года слесаремъ на паровозномъ заводѣ въ Ливерпулѣ, въ Англіи, и уже оттуда уѣхалъ въ Россію, гдѣ занялъ мѣсто начальника участка на Курско-Харьковской, а затѣмъ на Московско-Рязанской желѣзной дорогѣ. Въ 1880 году, во время экспедиціи Скобелева въ Ахалъ-Теке, князь Хилковъ былъ вызванъ на постъ завѣдующаго постройкой желѣзнодорожной вѣтви до Кизиль-Арвата. Въ 1882 году болгарское правительство пригласило князя Хилкова на постъ управляющаго министерствомъ общественныхъ работъ. Прослуживъ три года въ Болгаріи, князь поступилъ на службу на Закаспійскую жел. дор., а затѣмъ перешелъ на службу въ министерство путей сообщенія, гдѣ занималъ разныя должности на правительственныхъ желѣзныхъ дорогахъ и, наконецъ, былъ назначенъ министромъ путей сообщенія.

Какъ министръ онъ оставилъ по себѣ память дѣльнаго, энергичнаго, знающаго и справедливаго начальника и снискалъ любовь всѣхъ подчиненныхъ. Болѣзнь глазъ заставила его въ 1905 году покинуть постъ министра, но не могла заставить

отказаться отъ работы: назначенный членомъ Государственнаго Совѣта, кн. Хилковъ принималъ дѣятельное участіе въ работахъ и этого высшаго въ государствѣ правительственнаго учрежденія, и другихъ организацій.

Скончался М. П. Хилковъ внезапно 8 марта 1909 года.

ПОЛЕВОЙ.

ЖИЛЪ въ Иркутскѣ, въ концѣ XVIII вѣка, купецъ Алексѣй Полевой, родомъ изъ Курска. Дѣла были у купца большія, у него былъ свой заводъ для выдѣлки разной посуды изъ фаянса, была обширная торговля, но доходы были незначительные: Полевой какъ-то не умѣлъ устраиваться и много терялъ на разныхъ рискованныхъ предпріятіяхъ.

Былъ у этого Полевого сынишка, Николай, родившійся въ 1796 г., мальчикъ нѣженькій, бѣленькій, худенькій, но очень смышленый, умный, любознательный. Уже четырехъ лѣтъ отъ роду онъ выучился у старшей сестры грамотѣ; шести лѣтъ—плавно читалъ; десяти—перечиталъ всѣ книги, которыя были въ библіотекѣ его отца, человѣка, любившаго въ свободные часы чтеніе и охотно тратившаго деньги на пополненіе своей библіотеки. Но, любя самъ чтеніе, купецъ Полевой былъ очень недоволенъ, когда его Коля увлекался книгами и, въ мрачныя минуты, вдругъ принимался рвать книги и тетради сына и бросать ихъ въ

огонь, требуя, чтобы тотъ ни о чемъ не думалъ, кромѣ торговли, купеческихъ дѣлъ. Десятилѣтняго Колю онъ усаживалъ въ свою контору, заставлялъ вести счеты, выписывать накладныя и квитанціи, посылалъ его въ городъ за покупками и пр. Какъ

Н. А. Полевой.

однако ни строго относился отецъ къ страсти къ чтенію мальчика, тотъ все-таки находилъ время не только читать, но даже самъ сочинялъ драмы и трагедіи, писалъ стихи, издавалъ рукописную газету.

Когда юному сочинителю минуло 14 лѣтъ, онъ рѣшилъ, что запасъ познаній, какимъ онъ обладалъ, недостаточенъ, отбросилъ легкое чтеніе и сталъ усердно изучать грамматику, исторію. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ рѣшилъ изучить иностранные языки. Пьяный цырюльникъ наполеоновской арміи, родомъ итальянецъ, который остался доживать жизнь свою въ Россіи, взялся объяснить любознательному мальчику произношеніе французскихъ словъ; старикъ-чехъ, учитель музыки, заходившій часто въ контору Полевого, научилъ Колю нѣмецкой азбукѣ. А ужъ дальше Коля самъ продолжалъ заниматься, самоучкою, по вечерамъ, урывками, такъ какъ торговыя дѣла не давали ему досуга днемъ. Усердіе и усидчивость онъ при этомъ выказывалъ огромныя. Ученіе доставляло ему радость, и вскорѣ онъ прекрасно изучилъ оба языка.

Между тѣмъ дѣла купца Полевого въ Иркутскѣ пошли хуже и хуже. Онъ рѣшилъ переселиться въ Курскъ и тамъ продолжать свою дѣятельность. Въ Курскѣ Коля—теперь уже Николай—поступилъ на службу въ контору другого купца. Какъ разъ въ то время въ Курскъ пріѣхалъ императоръ Александръ I. Юный конторщикъ рѣшилъ описать пріѣздъ и пребываніе императора и отправилъ свою статью издателю газеты „Русскій Вѣстникъ“. Статья понравилась, была напечатана и сразу прославила на весь Курскъ юнаго конторщика. Ободренный успѣхомъ, Николай Полевой вскорѣ затѣмъ, въ 1818 г., отправилъ нѣсколько

статей въ журналъ „Вѣстникъ Европы“, гдѣ онѣ такъ же благосклонно были приняты, какъ и первая статья въ „Русскомъ Вѣстникѣ“. Такъ началась литературная карьера юнаго купчика.

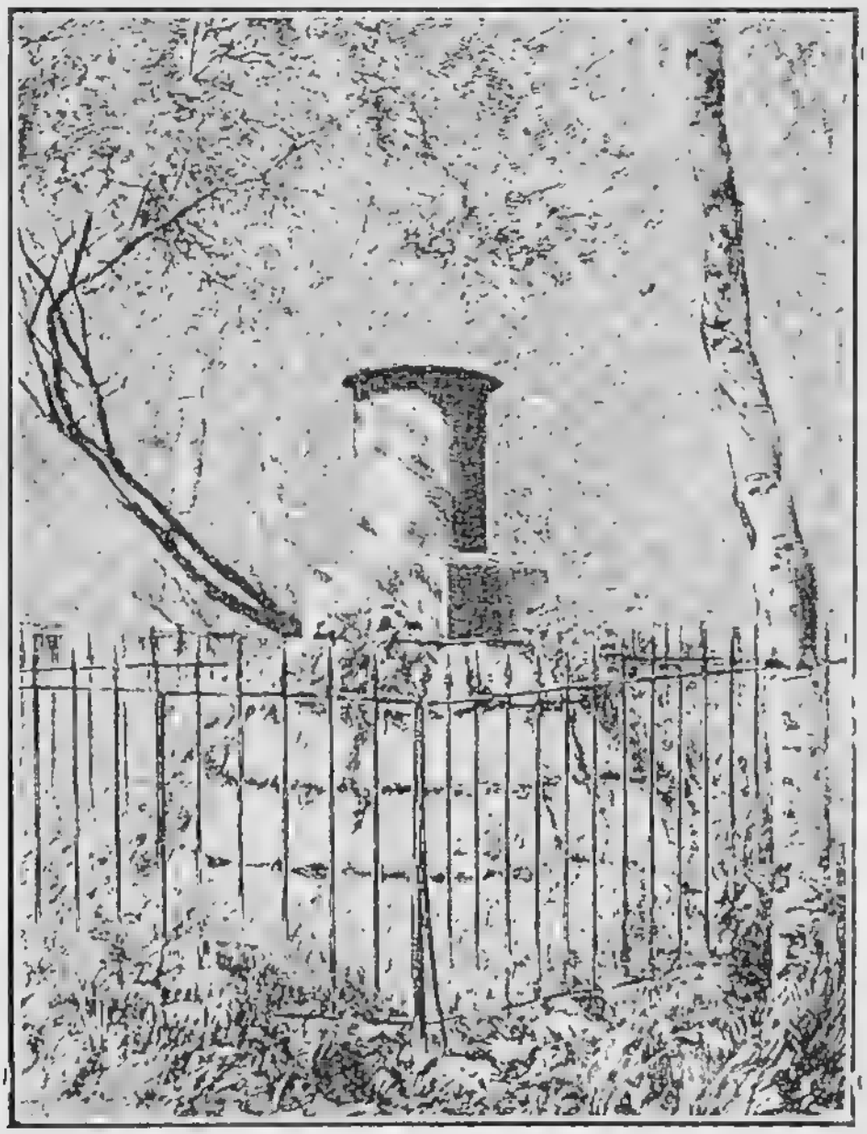
Титульный листъ журнала «Московскій Телеграфъ».

Вскорѣ послѣ этого дѣла Полевого-отца въ Курскѣ пришли окончательно въ разстройство. Для поправленія своихъ обстоятельствъ онъ рѣшилъ собрать всѣ, какія еще были у него, средства и переселиться со всей семьей въ Москву.

Въ Москвѣ юный Полевой тотчасъ же перезнакомился съ извѣстными тогда писателями и, продолжая заниматься въ дѣлѣ отца, въ то же время сталъ усердно сотрудничать въ журналахъ. А когда въ 1822 г. умеръ его отецъ, онъ уже исключительно посвятилъ себя литературѣ, стараясь въ общеніи съ видными образованными писателями пополнить недостатки своего образованія.

Прошло нѣсколько лѣтъ. Николай Алексѣевичъ Полевой сталъ уже извѣстнымъ писателемъ, а когда онъ началъ издавать свой собственный журналъ „Московскій Телеграфъ“, то сразу пріобрѣлъ значительное число подписчиковъ. Въ журналѣ принимали участіе многіе видные писатели того времени, въ томъ числѣ Пушкинъ, князь Вяземскій, князь Одоевскій и др. Самъ же редакторъ сталъ помѣщать въ журналѣ критическія статьи, въ которыхъ, разбирая произведенія современныхъ авторовъ, подвергъ многія изъ нихъ очень рѣзкому осужденію, признавая заслуживающими славы только такихъ писателей, какъ Державинъ, Пушкинъ, Жуковскій. Это создало Полевому много враговъ; со всѣхъ сторонъ посыпались на „Телеграфъ“ ожесточенная брань, насмѣшки. Редактора журнала обвиняли, между прочимъ, въ недоученности, въ верхоглядствѣ, упрекали его въ томъ, что онъ купчикъ, ничего не понимающій въ литературѣ, потѣшались надъ сивушнымъ будто бы запахомъ его статей, намекая этимъ, что онъ когда то работалъ въ конторѣ водочнаго завода. Но все это не мѣшало все болѣе и болѣе возраставшему успѣху журнала.

Но однимъ изданіемъ „Телеграфа“ не ограничивалась дѣятельность Н. А. Полевого: въ то же время онъ сталъ писать романы и повѣсти. Таковы были: „Клятва при гробѣ Господнѣ“, „Абба-



Могила Н. А. Полевого на Волковомъ кладбищѣ въ Петербургѣ.

(Съ рисунка Первухина).

дона“, „Мечты о жизни“ „Повѣсти Ивана Гудошника“ и др. Это не были произведенія сильнаго таланта, и въ настоящее время они совершенно забыты, но въ свое время ими зачитывались, и

знаменитый критикъ Бѣлинскій въ молодые годы приходилъ отъ нихъ въ восторгъ. Кромѣ того, Полевой перевелъ на русскій языкъ „Гамлета“ Шекспира, писалъ драмы, и пр. Но большую часть досуга, остававшагося отъ издательской дѣятельности, онъ посвящалъ занятіямъ русской исторіей. Плодомъ этихъ занятій были 5 томовъ „Исторіи русскаго народа“, „Исторія Петра Великаго“, „Исторія Суворова“, „Русскіе полководцы“ и др.

Въ 1834 г. журналъ Полевого былъ запрещенъ. Главнымъ поводомъ къ запрещенію послужили помѣщенныя въ немъ статьи самого редактора („Дѣдушка русскаго флота“, „Иголкинъ“, „Параша-Сибирячка“, „Ломоносовъ“), въ которыхъ осмѣивался т. н. квасной патріотизмъ, т.-е. уродливый видъ мнимой любви къ отечеству, выражающійся въ приторномъ самовосхваленіи страны и народа. Въ этихъ статьяхъ были усмотрѣны признаки „политической неблагонадежности“ издателя и вредное вліяніе на читателей...

Съ прекращеніемъ „Телеграфа“, Полевой вынужденъ былъ искать заработка въ другихъ журналахъ, сотрудничалъ въ „Библіотекѣ для чтенія“, редактировалъ журналъ „Сынъ Отечества“, обработалъ „Исторію Наполеона“, издавалъ нѣкоторое время „Литературную Газету“. Всего Полевымъ напечатано было болѣе 70 томовъ, не считая статей, помѣщенныхъ въ разныхъ изданіяхъ.

Скончался Полевой на 49 году жизни 22 февраля 1846 года въ Спб., куда онъ переселился послѣ прекращенія изданія „Москов. Телеграфа“.

Похороны его были очень торжественны; огромная толпа несла гробъ писателя на рукахъ до Волкова кладбища, гдѣ Полевой похороненъ на такъ называемыхъ „Литературныхъ мосткахъ“, недалеко отъ могилъ Бѣлинскаго и Добролюбова.

ДАЛЬ.

ВЪ 1819 году ѣхалъ въ Москву, въ ямщицкихъ саняхъ, молодой мичманъ, только что окончившій курсъ морского кадетскаго корпуса. Погода стояла холодная. Вдругъ ямщикъ-новгородецъ взглянулъ на небо и, указавъ мичману на тучки, укрывавшія лазурь—признакъ наступленія тепла — сказалъ: „замолаживаетъ!“ Мичманъ съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на ямщика и спросилъ, что это значитъ. Получивъ объясненіе, мичманъ вынулъ свою записную книжку и сдѣлалъ въ ней слѣдующую замѣтку: „Замолаживать—иначе насмурить—въ Новгородской губерніи значитъ—заволакиваться тучами, говоря о небѣ—клониться къ ненастью“...

Прошли годы. Мичманъ окончилъ морской корпусъ, пробылъ шесть лѣтъ на морской службѣ и, чувствуя влеченіе къ изученію медицины, подалъ въ отставку, отправился въ Дерптъ (нынѣ Юрьевъ) и записался тамъ студентомъ на медицинскій факультетъ. Въ 1829 г., во время разгара войны съ Турціею, молодой студентъ, еще не окончившій

курса, записанъ былъ въ дѣйствующую армію и долженъ былъ исполнять обязанности врача. По окончаніи войны онъ возвращается въ Петербургъ и, продолжая заниматься какъ врачъ, въ то же время усердно трудится надъ тщательнымъ, всестороннимъ изученіемъ русскаго языка и быта русскаго народа. Не получивъ спеціальнаго филологическаго образованія, онъ самоучкою, безъ чьей-либо помощи, изучаетъ все то, что необходимо знать лингвисту и этнографу.

Опять прошли годы—и бывшій морякъ, а затѣмъ врачъ — пріобрѣлъ славу лучшаго знатока русскаго языка и увѣковѣчилъ свое имя изданіемъ огромнаго труда—„Словаря русскаго языка“.

Слово „замолаживать“, услышанное имъ на 15 году жизни, было первымъ камнемъ этого труда. Впослѣдствіи, ставъ военнымъ врачомъ въ дѣйствующей арміи, онъ сблизился съ солдатами, вышедшими изъ самыхъ разнообразныхъ концовъ русскаго государства, разспрашивалъ ихъ, какъ тотъ или другой предметъ называется въ той или другой мѣстности, и записывалъ его, собирая такимъ образомъ матеріалъ для своего словаря, надъ которымъ уже потомъ неустанно трудился всю свою жизнь, постоянно, во время своихъ частыхъ разъѣздовъ по разнымъ уголкамъ Россіи, занося въ свою записную книжку всякое новое слово и выраженіе.

„Бывало на дневкѣ гдѣ-нибудь соберешь вокругъ себя солдатъ изъ разныхъ мѣстъ, да и начнешь разспрашивать, какъ такой-то предметъ

въ одной губерніи зовется, какъ въ другой, въ третьей; взглянешь въ книжку, а тамъ уже цѣлая вереница областныхъ реченій",—говоритъ В. И. Даль въ одномъ изъ своихъ походныхъ воспоминаній.

Но записанное слово или выраженіе—это былъ только еще сырой матеріалъ: каждая запись заносилась на особую карточку, подвергалась впослѣдствіи тщательной провѣркѣ, сличенію, присоединялась къ другимъ, дополнялась и т. д. Когда такихъ карточекъ набралось больше 300 тысячъ, онъ приступилъ, наконецъ, къ печатанію словаря.

Этотъ морякъ и врачъ, ставшій составителемъ словаря русскаго языка, былъ Владиміръ Ивановичъ Даль.

Словарь началъ выходить выпусками съ 1861 г. Работу пришлось нести автору, даже послѣ того, какъ словарь былъ уже составленъ, поистинѣ гигантскую. Какъ кропотлива она была, достаточно опредѣляетъ одинъ фактъ: для того, чтобы окончательно пересмотрѣть и подготовить къ печати свой словарь, Даль долженъ былъ лично держать четырнадцать корректуръ трехсотъ тридцати печатныхъ листовъ большого формата, т.-е. четырнадцать разъ перечитывать каждый листъ, дополнять, провѣрять, исправлять. И на всю эту громадную работу, которая, однако, представляетъ лишь послѣдній шагъ въ изданіи словаря, на всю эту работу употреблена была, какъ самъ составитель выражается,—„одна пара старыхъ глазъ".

Мысль о томъ, что онъ умретъ раньше, не-

жели будетъ доведено до конца его любимое дѣтище, сильно тревожила иногда Даля. „Ахъ, дожить

В. И. Даль.
(Съ гравюры Брокгауза).

бы до конца словаря! Спустить бы корабль на воду, отдать бы Богу на руки!“—восклицалъ Даль съ нетерпѣніемъ.

Спустя семь лѣтъ, словарь былъ законченъ.

Выходъ его былъ признанъ филологами событіемъ капитальной важности. Императорская академія наукъ увѣнчала „Словарь“ ломоносовской преміей, русское географическое общество наградило Даля константиновской золотой медалью, а дерптскій университетъ присудилъ ему премію. Большое вниманіе возбудилъ „Словарь“и за границей.

„Толковый словарь Даля“ и по сію пору является трудомъ, никѣмъ не превзойденнымъ, и занимаетъ совсѣмъ особенное мѣсто. Это цѣнный источникъ для ознакомленія не только съ богатствомъ русской рѣчи, но и съ русскимъ народнымъ бытомъ и народной жизнью, это настоящая сокровищница русскаго языка, въ которой собрано все богатство словъ живого русскаго языка. Словарь названъ Далемъ „толковымъ“ потому, что онъ толкуетъ, объясняетъ значеніе каждаго слова, указываетъ примѣненіе каждаго слова, и т. п.

Собирая русскія слова и выраженія, Даль, въ то же время, собиралъ и русскія пословицы, поговорки и пр. Его „Сборникъ русскихъ пословицъ“ содержитъ въ себѣ столь же богатый бытовой матеріалъ, какъ и его „Толковый словарь“. Въ составъ сборника вошло до 37.000 изреченій народной мудрости, слышанныхъ и записанныхъ авторомъ въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи.

Но слава Даля создана не только его словаремъ и пословицами. Онъ прославился такъ же, какъ бытописатель русскаго народа, какъ авторъ многихъ повѣстей, разсказовъ и очерковъ (кото-

рые онъ выпускалъ подъ псевдонимомъ „Казака Луганскаго“ и которые въ свое время читались очень усердно), и, наконецъ, какъ авторъ книгъ для дѣтей и для народа. Сказки Даля, его „Первинки“ („Первинка первая“ и „Первинка вторая“), его „Картины изъ русскаго быта“ и „Новыя картины изъ русскаго быта“, его „Два сорока бывальщинокъ“ и др., по отзыву великаго русскаго критика В. Г. Бѣлинскаго, „исполнены глубокаго значенія, отличаются мастерствомъ изложенія“. Бѣлинскій называетъ Даля „необыкновеннымъ талантомъ, не имѣющимъ себѣ соперниковъ въ этомъ родѣ литературы“. Въ произведеніяхъ его онъ находитъ бездну любви къ людямъ (въ особенности къ простому русскому народу), доброты, юмора, знанія русскаго сердца.

Во всѣхъ почти своихъ повѣстяхъ и разсказахъ Даль преслѣдовалъ цѣль—познакомить русское общество съ народнымъ бытомъ и языкомъ. Ту же цѣль онъ преслѣдовалъ въ своихъ разсказахъ для дѣтей, о которыхъ говорили, что они написаны „такимъ прекраснымъ русскимъ языкомъ, какимъ не писалъ ни одинъ авторъ“.

Замѣчательно, что этотъ писатель, посвятившій жизнь свою изученію русскаго языка и описанію русскаго быта, былъ по происхожденію не русскій. Его отецъ былъ датчанинъ, мать—нѣмка, оба лютеране по вѣроисповѣданію.

Какимъ же образомъ Даль—датчанинъ по происхожденію—могъ такъ писать? Отвѣтъ на этотъ вопросъ далъ самъ Даль.

„Ни прозваніе, ни вѣроисповѣданіе, ни самая кровь предковъ не дѣлаютъ человѣка принадлежностью той или другой народности. Духъ, душа человѣка—вотъ гдѣ надо искать принадлежности его къ тому или другому народу. Чѣмъ же можно опредѣлить принадлежность духа? Конечно, проявленіемъ духа—мыслью. Кто на какомъ языкѣ думаетъ, тотъ къ тому народу и принадлежитъ. Я думаю по-русски“.

Умеръ знаменитый русскій народовѣдецъ (такое названіе Даль, посвятившій всю жизнь свою изученію народа, заслужилъ вполнѣ) въ Москвѣ 22 сентября 1872 г. и похороненъ тамъ же, на Ваганьковскомъ кладбищѣ.